

Александра Маринина
Я умер вчера
Серия «Каменская», книга 18

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=144309
Маринина А.Б. *Я умер вчера*; в 2-х тт.: Эксмо; Москва; 1998
ISBN 5-04-000438-9, 5-04-000437-0

Аннотация

От взрыва в автомобиле погибают два сотрудника телепрограммы «Лицо без грима». Через некоторое время её ведущий, популярный тележурналист Александр Уланов узнает, что существует заказ и на его убийство. И заказ сделала его собственная жена. Неожиданно Уланов попадает в поле зрения работников милиции, ведущих следствие по делу об убийстве колдуньи Инессы.

Анастасия Каменская, работающая по делу о взрыве автомобиля сотрудников телепрограммы, и Татьяна Образцова, занимающаяся убийством колдуньи, пытаются вместе распутать сложные узлы хитроумной комбинации преступников.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	28
ГЛАВА 4	43
ГЛАВА 5	53
ГЛАВА 6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Александра Маринина

Я умер вчера

ГЛАВА 1

Я умер вчера. Позавчера я еще был жив, был таким же, как и много лет до этого, каким был всю свою жизнь. А со вчерашнего дня я умер. И черт его знает, как теперь буду существовать. Да и буду ли?

До вчерашнего дня все было более или менее понятно, хотя и не сказать, чтоб уж очень приятно. Я был ведущим одной из телевизионных программ, работал в теплой, крепко сколоченной компании единомышленников, зарабатывал вполне приличные, если не сказать больше, деньги. Был женат на женщине, которую когда-то любил страстно, потом стал любить нежно, а потом понял, что привязан к ней настолько, что любовь-нелюбовь и страсть – не страсть уже никакого значения не имеют. Мы прожили вместе двенадцать лет, и я был искренне уверен, что проживу рядом с ней до самой кончины. У меня были друзья, были приятели, было множество легких, эмоционально не окрашенных знакомств. Одним словом, у меня было все, что в принципе нужно нормальному мужику с нормальными потребностями, включая не самый дорогой, но хороший автомобиль и удобную, достаточно просторную для двоих квартиру.

Правда, на работе было не все гладко и просто, особенно в последнее время. Нашлись люди, которым не нравилось, как мы ведем дела с нашей передачей, и они пытались на нас давить. Давление становилось все сильнее, а неделю назад произошла трагедия: наш директор программы Витя Андреев и корреспондент Оксана Бондаренко погибли. Взорвалась машина, в которой они вместе ехали.

Конечно, всех сотрудников нашей программы долго, вынимая душу, допрашивали, по сто раз задавая одни и те же вопросы. Все мы рассказывали милиционерам одно и то же, потому что ничего больше сказать не могли. Но в то время я еще жил. Пусть переживал, страдал, но жил.

А вчера я жить перестал. Потому что произошло нечто такое, из чего я понял: жить мне осталось совсем немного, но главное – вообще неизвестно хотя бы приблизительно, сколько именно. То ли два часа, то ли пару дней, то ли месяц протяну. Все может закончиться в любой момент. И моя жена имеет к этому самое непосредственное отношение.

С момента гибели Оксаны минула неделя, за эту неделю прошли в записи все передачи, которые она успела подготовить. Другого корреспондента у нас пока нет, и с сегодняшнего дня мне придется работать в прямом эфире. Живой мертвец в живом эфире... Весело. Будем надеяться, что никто не заметит.

* * *

Настя Каменская никак не могла привыкнуть к радостному чувству, которое охватывало ее каждый раз, когда она входила в кабинет начальника. «Вот уж воистину, – думала она, усмехаясь в душе, – что имеем – не храним, а потерявши – плачем. Почти десять лет я входила сюда, видела Колобка и считала, что так и должно быть, что по-другому быть просто не может. А потом Колобок ушел, пришел новый начальник, и жизнь моя превратилась в сплошную пытку. Теперь Колобок вернулся, он снова здесь, с нами, со мной, и только сейчас я поняла, какое это счастье, когда у тебя хороший начальник».

Ей очень не хотелось заниматься убийством работников телевидения. Она хорошо понимала, что телевидение – это либо взрывоопасная информация, либо деньги, либо то и другое вместе. Более того, если речь идет об информации, то информация эта, как правило, все равно о деньгах. Чьих-то деньгах, которые кто-то присвоил, украл, перевел на счет в швейцарском банке или просто взял в виде аккуратной банальной взяточки. От самого слова «деньги» Настю мутило.

Программа «Лицо без грима» не была ни информационной, ни скандально-разоблачительной, ее корреспондент Оксана Бондаренко не выезжала в «горячие точки» и не брала «острых» интервью у только что отзаседавших депутатов Госдумы, все еще разгоряченных дебатами, рассерженных и оттого плохо контролирующих свои высказывания, из чего впоследствии так удобно бывает раздуть маленький симпатичненький скандалчик, разрушающий имидж политика и ссорящий его с окружающими. Программа вообще была очень спокойной и доброжелательной: после убийства директора программы и корреспондента Настя специально посмотрела несколько выпусков, чтобы получить представление о ней. Гости программы выглядели серьезными и достойными людьми, а ведущий не пытался «обложить» их со всех сторон каверзными вопросами, даже наоборот, словно бы старался дать приглашенному возможность показать себя с самой приятной стороны, продемонстрировать нестандартность и глубину суждений, высказать неожиданные и любопытные точки зрения. Вряд ли речь могла идти об опасной информации. Значит, деньги. А преступлений, связанных с деньгами, Настя Каменская не любила просто патологически. Даже в университете экономика была предметом, который ей не хотелось учить. Ее гораздо больше интересовали месть, ревность, зависть – одним словом, страсти человеческие, а не финансовые. Но, к сожалению, личные вкусы и пристрастия никогда не считались в уголовном розыске вескими основаниями, которые следует принимать в расчет при распределении заданий.

Ну, делать нечего, придется заниматься телевидением. По Настиной просьбе Миша Доценко притащил из дома ворох журналов «ТВ Парк», которые исправно покупала его мама. В этом журнале была целая полоса, посвященная рейтингу телепередач, и Настя надеялась выудить из этого хоть какую-то отправную точку для рассуждений. Точка эта нашлась. Оказалось, что программа «Лицо без грима» в десятку самых «смотримых» никогда не попадала.

– Интересно, откуда у них деньги? – задумчиво спросила Настя у Доценко. – Если передача не самая популярная, стало быть, расценки на рекламу во время эфира невысокие. Да и спрос на размещение рекламы невелик. По идее, они должны были просуществовать максимум три-четыре месяца и потом закрыться, а они живут уже два с лишним года.

– Их, наверное, из бюджета подкармливают, – предположил Михаил.

– С какой стати? Я бы еще понимала, если бы они были проводниками, например, точки зрения правительства или открыто поддерживали президента. А так... Хорошая, добротная передача, очень профессионально сделана, не вызывает у зрителя раздражения, но в ней нет, как бы это сказать... азарта, что ли. Нет той изюминки, ради которой человек бежал бы домой после работы, чтобы непременно успеть ее увидеть. Да и время у нее не самое выгодное, с семнадцати сорока до восемнадцати, работающий народ еще и домой-то не вернулся.

– Может быть, убийство совершено по сугубо личным мотивам?

– Хорошо бы, – вздохнула Настя. – Личные мотивы – это то, что я люблю. Во всяком случае, я могу их понять и в них разобраться. А с деньгами – одна скука и головная боль. Миша, давайте делиться.

– По-честному или по-братски? – засмеялся черноглазый капитан. – Если по-честному, то вам достанутся деньги, а мне – любовь, потому что вы старше и опытнее. А я маленький еще, до денег не дорос.

– Нет уж, дружочек, – фыркнула Настя, – делиться будем по-джентльменски. Дама должна заниматься эмоциями, а мужчина – деньгами. Это закон социума, в котором нам с вами посчастливилось родиться. И не смейте намекать на мой преклонный возраст, я не намного старше вас. И ваше, Мишенька, упорное нежелание обращаться ко мне на «ты» никого в заблуждение ввести не может, не надейтесь.

Это было правдой, причем объяснения этому факту не мог дать никто, в том числе и сам Михаил. Настя была единственной из сотрудников отдела по тяжким насильственным преступлениям, за исключением, разумеется, начальства, к кому Доценко обращался на «вы» и по имени-отчеству, вынуждая тем самым ее саму соблюдать ответную вежливость. И разница в возрасте была не так уж велика, каких-нибудь шесть лет, и звание у Каменской было всего на одну ступень выше, а вот поди ж ты...

Ближе к концу дня на Настином столе звякнул внутренний телефон.

– Скучаешь? – послышался в трубке насмешливый голос Игоря Лесникова, ее коллеги, который сегодня был в составе дежурной опергруппы.

– Без тебя – всегда, – быстро отозвалась Настя. – Жду, когда ты меня чем-нибудь развеселишь.

– Ладно, тогда задаю вопрос: что можно украсть у психоаналитика?

– У кого? – удивленно переспросила она.

– У психоаналитика, – терпеливо повторил Игорь.

– У какого?

– Ну какая разница... У любого. У абстрактного психоаналитика.

– Он частнопрактикующий?

– Угу.

– Тогда деньги. У них гонорары за консультации высокие. А откуда вопрос?

– С выезда. Только что вернулись. Узко мыслишь, Настасья. Ценностей не взяли. Но факт взлома и проникновения налицо.

– А что хозяин говорит?

– Ничего не говорит. Пропаж не обнаружено.

– Думаешь, врет?

– Конечно, врет. Он знает, что у него взяли, но молчит. Вот я и хочу, чтобы ты мне сказала, что бы это могло быть такое, представляющее интерес для преступника, но о чем нельзя признаваться добрым дядям из милиции.

– Я подумаю, – пообещала Настя. – А что еще интересного произошло за отчетный период в подведомственном городе?

– Все тебе расскажи, – хмыкнул Игорь. – Чашку нальешь?

– Неправильный ты, Игорек. Современный мужик обычно стакан налить просит.

– На дежурстве только кофе. Так нальешь или я в другое место просить пойду? – Иди уж. Сейчас воду поставлю.

Попить кофейку и выкурить сигарету к Насте забегали все кому не лень. Во-первых, она почти всегда была на месте, что для оперативника вообще-то ненормально. Во-вторых, у нее всегда был хороший кофе, потому что Настя, несмотря на смешную милицескую зарплату, покупала только хорошие дорогие сорта, отказывая себе во многом другом, например, в обедах, а порой и в новых колготках. В-третьих, у нее всегда можно было стрелкнуть сигаретку, заодно пожаловавшись на жизненные неурядицы, выплеснуть раздражение по поводу «неправильного поведения» начальника и с легким сердцем бежать дальше. Настю, по характеру не особенно общительную и любящую одиночество, это порой раздражало, но она понимала, что если и менять ситуацию в корне, то результат может быть только один: у нее появится множество врагов и скрытых «доброжелателей». Нельзя отталкивать людей и тем более нельзя их обижать. Даже если очень хочется это сделать.

Игорь появился почти мгновенно, во всяком случае, по Настиным понятиям. У нее самой путь из дежурной части до кабинета занимал раза в три больше времени. Каждый раз при виде Лесникова Настя не переставала удивляться тому, что самыми «крутыми» бабниками зачастую оказываются мужчины, не обладающие выдающейся внешностью, зато такие красавцы, как Игорь, нередко становятся самыми примерными и любящими мужьями, которых совратить с пути супружеской верности просто невозможно. По Игорю втихаря вздыхали многие девушки, работающие на Петровке, но ни одна из них не могла бы похвастаться хоть малейшим знаком внимания с его стороны. Лесников был не особенно приветлив, как правило, немногословен, с очень серьезным, а порой и хмурым выражением лица, ни с кем не сближался и дружбу не заводил. О его личной жизни коллеги знали только то, что он женат во второй раз и обожает маленькую дочку. Однако владел собой он превосходно, и если ему нужно было поддерживать беседу, то Лесников легко превращался в обаятельного и милого человека, солгать которому ну никак язык не поворачивается. Судя по его звонку из «дежурки», кража у психоаналитика чем-то его сильно заинтересовала, в противном случае он не стал бы задавать Насте никаких вопросов. Кабинет психоаналитика – не Третьяковка и не Алмазный фонд, преступлением будут заниматься ребята с территории, ну в самом крайнем случае, если выяснится, что взяли драгметаллы, камни или антиквариат, – коллеги из отдела по борьбе с кражами, а уж никак не «убойный» отдел. Лесников, как казалось Насте, не был любопытным и любознательным, чужие тайны его интересовали мало, так что предполагать чисто дежурный интерес оснований не было. Значит, что-то в этой краже есть такое...

– Не темни, Игорек, – сказала она, налив ему полную чашку крепкого кофе. – Что тебе далась эта кража?

– Кража ничего, нормальная, – неопределенно ответил он. – Мне хозяин не понравился. Какой-то он уж больно перепуганный. А пропажу чего бы то ни было отрицает.

– Может, ты преувеличиваешь? Любой человек испугается, увидев, что его жилье вскрыто. Даже если ничего не взяли, все равно неприятно и тревожно. А вдруг завтра опять придут? И вообще, интерес к изъятию чужого имущества тебе обычно не присущ. Чего-то не договариваешь?

– Да нет, – Игорь вяло пожал плечами. – Устал я что-то сегодня. Обычно в это время я еще бодр и весел, как младенец, а кажется, будто третьи сутки подряд дежурю. Как твои телевизионные страсти? Продвигаются?

– Туго. Собрала данные о том, когда, где и с кем были потерпевшие в течение последних десяти дней перед гибелью, сижу вот, ковыряюсь, пытаюсь составить точную хронологию событий. Ты, кстати, видел когда-нибудь эту передачу?

– Какую?

– «Лицо без грима». – Нет, не пришлось.

Настя взглянула на часы.

– Хочешь посмотреть? Через три минуты как раз начнется. Я специально маленький телевизор выключила у Колобка, чтобы получить представление о программе, а то она в такое время идет, когда я еще на работе.

– Давай, – кивнул Лесников, – пока никто меня не дернул.

Но он, как обычно, накликал. Едва Настя успела вытащить из шкафа и включить старенький черно-белый «Шилялис», как из дежурной части позвонил подполковник Кудин.

– Настасья, гони Лесникова в шею, я знаю, что он к тебе пошел. Пусть бежит бегом, его свежий труп дожидается.

Игорь со вздохом поднялся, залпом допил остатки кофе и ушел охранять покой налогоплательщиков, а Настя стала смотреть очередной выпуск «Лица без грима».

С первой же минуты она насторожилась. Что-то шло не так. И ведущего словно подменили, и гость программы выглядел не лучшим образом. В чем дело? Неужели гибель друзей и коллег настолько выбила из колеи Александра Уланова, что он не справляется с собой перед камерой? Да нет, не похоже. После трагедии в эфир вышло пять выпусков, и каждый раз на экране Настя видела спокойного, доброжелательного, умного человека, совершенно лишённого язвительности и демонстративного остроумия.

Гостем программы в этот раз был малоизвестный кинопродюсер. Названия фильмов, которые он сделал, ничего Насте не говорили. Продюсер мямлил нечто невнятное, порой сбиваясь на откровенные глупости, Уланов же никак не помогал ему, несколько отстраненно наблюдая за неловкими попытками кинодеятеля выглядеть умным и неординарным. Хотя, надо признаться, и не мешал ему. Казалось, ведущий как личность просто-напросто отсутствует, и сидит некая бездушная машина, которая задает первый пришедший в голову вопрос и равнодушно ждет, пока собеседник с грехом пополам выпутается из ответа.

На столе перед ведущим и гостем стояли большие чашки с рекламной надписью «Билайн». Продюсер поднес чашку ко рту, сделал судорожный глоток, поперхнулся и начал долго и нутужно кашлять. Камера деликатно ушла в сторону, теперь весь экран занимало лицо Уланова, с холодным любопытством наблюдающего за кашляющим собеседником. Внезапно Настю осенило: это прямой эфир. В записи затянувшуюся и совершенно неинформативную сцену обязательно вырезали бы. А что же раньше?

Все понятно. Прежние передачи всегда шли в записи. Теперь, после гибели директора и корреспондента, пришлось менять схему. Все, что успели отснять и смонтировать раньше, уже прошло, а за минувшую неделю новых записей сделать не смогли. Вместе с людьми во взорвавшейся машине сгорели блокноты с записями и кассеты... Пропала вся подготовительная работа, которая должна была лечь в основу будущих передач. И теперь Уланов вынужден будет какое-то время работать в прямом эфире, пока не подготовят новые материалы.

Но все-таки странно он себя ведет, даже с учетом стрессовой ситуации. Да, переживает, вероятно, страдает, но это должно было сказаться в первую очередь на реакции и моторике, а никак не на мастерстве и общем духе программы. Мастерство, как говорится, не пропьешь. И концепцию передачи никто, по-видимому, не изменял. Почему же он совсем не помогает своему гостю выглядеть более или менее прилично?

Программа закончилась, на экране замелькали цветные картинки рекламного блока. Настя порылась в своих бумажках, нашла телефон студии, выждала несколько минут и решительно набрала номер.

– Это Каменская, – представилась она, услышав в трубке голос Уланова. – Нам опять надо побеседовать. Когда вам удобно со мной встретиться?

– Обязательно сегодня?

– Желательно. Но можно и завтра, если вы сильно заняты.

– Хорошо, пусть будет сегодня. Вы настаиваете, чтобы я ехал к вам на Петровку?

– Вовсе нет. Мы можем встретиться на нейтральной территории, где-нибудь посередине между центром и Останкином.

– А как же протокол? – усмехнулся Уланов, и Насте почудилось что-то недоброе в этой усмешке. – Будете на коленках записывать?

– Мы протоколы не пишем, этим обычно занимается следователь. Мы с вами просто поговорим, попробуем найти ответы на интересующие меня вопросы.

– Но я уже неоднократно отвечал на самые разные вопросы и рассказал все, что знал. Ничего нового я вам не сообщу. Прошла неделя, а вы все вопросы задаете вместо того, чтобы искать преступников. Это что, новый стиль работы?

– Александр Юрьевич, мы попусту тратим время на пререкания, – мягко сказала Настя. – По поводу стиля работы я вам все расскажу при встрече. Так когда и где?

Уланов назначил время и место. Энтузиазма в его голосе Настя не услышала, но справедливости ради надо сказать, что и недовольства не было. Усталый человек, лишенный эмоций. Что это, результат пережитого стресса или что-то другое? Она хотела это понять. Пусть Мишенька Доценко ищет денежную подоплеку преступления, а она, Настя Каменская, будет заниматься эмоциями. Ей это интереснее.

* * *

– По-моему, предлагаемая вами комбинация излишне сложна. Неужели нельзя было придумать что-нибудь попроще?

– Можно. Конечно, можно. Но в сложности комбинации весь смысл. Он не должен понимать, что происходит.

– Бог мой, вы произносите банальные истины! Естественно, он не должен понимать.

– Вы не дослушали меня. Когда человек испытывает недостаток информации, чтобы выстроить целостную картину, он начинает додумывать, строить собственные версии происходящего. Такая сложная комбинация, которую разработали мы, не дает возможности построения хоть сколько-нибудь логичной версии. Он будет мучиться, ломать голову, ничего стройного и последовательного не придумает и начнет сомневаться в собственной способности здраво мыслить. А это повлечет неровности и срывы в повседневном поведении. Это должно сыграть роль коррозии, ржи, которая разъедает металл.

– А если ему все же удастся придумать объяснение, которое покажется ему достаточно обоснованным? Наблюдения показали, что он далеко не глуп и обладает известной фантазией.

– Вот именно, фантазией. Если он создаст собственную версию происходящего, то она неизбежно окажется совершенно бредовой. Мания преследования, идея материализованного абсолютного зла, силы тьмы, пришельцы – все что угодно. Пусть придумывает. Все равно это так или иначе скажется на его поведении и начнет разрушать его связи с окружающими. Каждый его поступок будет расцениваться как действие сумасшедшего, и реакция окружающих будет соответственная. Поверьте мне, мы очень тщательно анализировали его жизнь и составляли психологический портрет объекта. Вы неоднократно имели возможность убедиться в высочайшей квалификации наших психологов.

– Ну хорошо, будем считать, что вы на какое-то время умилили мои сомнения. Однако я прошу вас помнить, что это крупнейшая операция за все годы нашего существования. Речь идет об очень больших деньгах, и если мы не сумеем их получить, я вынужден буду считать, что операцию провалили именно вы. Не забывайте об этом.

– Не забуду...

* * *

Ехать на встречу с Каменской из уголовного розыска мне не так чтобы уж страстно хотелось, но кое-какие позитивные моменты в этом были. Во-первых, в ее присутствии меня вряд ли убьют, если, конечно, это не произойдет раньше и я вообще сумею добраться до места, где оно будет, это присутствие. Так что хотя бы на время беседы с этой странной дамочкой можно будет не напрягаться, расслабиться и, как говорят в армии, «оправиться и покурить». А во-вторых, это неминуемо оттянет время возвращения домой, опять же, если возвращению домой суждено будет состояться. Дома я, естественно, в безопасности, Вика меня убивать не станет и отраву в чай не подсыплет, она специального человека наняла и

теперь ждет, когда он выполнит контракт. Но все равно пребывание наедине с ней превращается для меня в пытку. Почему? Ну почему? За что? Господи, ведь я так ее любил, ничем не обидел, ничего не отнял. Но я и не хочу знать, за что. Если она так решила, значит, считает это правильным. И у меня нет ни малейшего желания выяснять с ней отношения. Из ее рук я готов принять все, даже смерть.

Встречу я назначил на Колхозной площади, рядом с метро. Если пойдет дождь, посидим в машине, а если погода не испортится, можно будет выпить кофе в открытом кафе. Интересно, на сколько она опоздает? Не родилась еще женщина, которая умеет приходить вовремя даже на деловые встречи.

Но Каменская, к моему удивлению, не опоздала. Более того, когда я подъехал к Колхозной площади, она уже стояла в оговоренном месте, хотя до условленного времени оставалось минут десять. Как раз эти десять минут я и оставлял себе про запас на случай «пробки» в районе Рижского вокзала. Дождя не было, я вышел из машины и предложил ей посидеть на улице за достаточно чистым, хотя и слегка колченогим столиком.

До этого я видел Каменскую три или четыре раза, разговаривал с ней, но отчего-то не заметил, как странно она одевается. По-настоящему дорогими на ней были только кроссовки. Пожалуй, они стоили столько же, сколько и обручальное кольцо на ее руке. Все остальное – джинсы, куртка, платок на шее – было дешевым, неброского темного цвета. Впрочем, я слышал, что милиционеры получают маленькую зарплату, на нее хорошо не оденешься. Небось копила на эти «кроссы» целый год.

– Александр Юрьевич, что произошло с вашей передачей? – спросила она.

– Ничего, – я пожал плечами. – А что должно было произойти?

– Я смотрела сегодняшний эфир. Это совершенно не похоже на то, что было раньше.

– Прямой эфир, – коротко пояснил я. – Это всегда выглядит иначе, нежели заранее записанный и отредактированный сюжет.

– И теперь так будет всегда?

– Не знаю. Все зависит от того, когда появится корреспондент, который будет готовить программы вместо Оксаны.

– Просветите меня, Александр Юрьевич, – попросила она. – Я хочу понять, почему вам так необходим корреспондент, если вы прекрасно можете работать в прямом эфире.

Вопрос мне не понравился. Что значит «прекрасно могу работать»? Сегодняшний эфир был чудовищным и никак не отвечал общей концепции программы. Если бы Витя Андреев, наш директор, был жив, он бы мне голову оторвал за такую работу. То, во что я превратил беседу с кинопродюсером, было верхом непрофессионализма, и никакие оправдания на тему стресса и переживаний здесь не проходили. Я это отчетливо сознавал, но не считал нужным ничего менять в ходе эфира. Для чего напрягаться, если без Вити и Оксаны программа умрет самое позднее через неделю, а сам я умру, возможно, куда раньше. Да что там «раньше», меня все равно уже нет в живых. Пусть я еще двигаюсь и дышу, принимаю пищу и алкогольные напитки, произношу слова и произвожу впечатление нормального мужика, но разве человек может быть живым, если для него не существует понятия «завтра» и даже «через час»?

– Видите ли, – я была сама любезность и терпение, – ведущий должен знать о своем собеседнике достаточно много, чтобы сделать разговор с ним интересным для публики. Если бы программа шла один раз в неделю, то у меня было бы достаточно времени, чтобы познакомиться с человеком поближе и заранее продумать ход передачи. Но поскольку передача ежедневная, познакомиться и подготовить беседу с пятью гостями в течение одной недели я не могу просто физически. Для этого и существует корреспондент. Он встречается с будущими гостями передачи, получает сведения об их жизни, деятельности, вкусах, привычках, взглядах и проблемах. Потом, собрав нужные сведения, садится вместе с режиссером и начинает готовить программу. Ход беседы планируется заранее, неинтересные темы отбрасыва-

ются, интересные аспекты высвечиваются особенно ярко. И только на последнем этапе уже подключается ведущий. Оксана Бондаренко была уникальным работником и успевала подготовить необходимые материалы. Уж как она это делала, я не знаю, но факт есть факт. Один человек заменить ее не сможет, нужно искать как минимум трех. А это не так просто, как вы думаете. Поэтому, пока не наладится работа новых корреспондентов, мне придется работать в прямом эфире.

Мне казалось, я был вполне убедителен, хотя Вика и уверяла меня всегда, что врать я не умею. Но не рассказывать же этой дамочке с Петровки правду про нашу программу...

– Я постаралась восстановить все передвижения Андреева и Бондаренко за несколько дней, предшествовавших их гибели, – сказала Каменская, – и у меня остались «белые пятна». Может быть, вы вспомнили еще что-нибудь о своих коллегах?

– Нет, я рассказал вам все, что знал и мог припомнить.

– Значит, добавить вам нечего?

– Совершенно нечего.

– Видите ли, ни их родные, ни друзья не смогли нам даже предположительно пояснить, где Андреев и Бондаренко могли находиться в эти периоды времени. Считалось, что они на работе. Но в студии их в это время не было, и по каким заданиям уехала, например, Оксана, никто сказать не мог.

– Это должен был знать Андреев.

– Но у него теперь не спросишь, – вздохнула она.

– Не спросишь, – тупо подтвердил я. – Больше я вам ничем помочь не могу, к сожалению. У Виктора был отдельный блокнот, куда он заносил все сведения о ходе сбора материалов, там обязательно отмечалось, куда и зачем уехал корреспондент.

– Так жестко контролировали Оксану? – удивилась Каменская.

– Дело не в контроле, а в том, чтобы точно представлять себе ход сбора материала по конкретному сюжету. Ну и водителя нужно контролировать, в том смысле, чтобы точно знать, куда он уехал и как скоро вернется. Вы с водителем разговаривали?

– Конечно. Он за интересующее нас время полностью отчитался. Но был при этом ни с Андреевым и ни с Бондаренко. Александр Юрьевич, я вынуждена сделать вывод, что у ваших коллег была еще какая-то сфера интересов помимо работы в вашей программе. Может быть, бизнес?

– Может быть, – согласился я. – Но мне об этом ничего не известно.

Беседа тянулась неспешно и вяло, Каменская явно никуда не торопилась, ну а уж я-то – тем более. Куда мне спешить? К могиле? Интересно, какой заказ сделала моя Вика? Может, она велела ликвидировать меня в течение трех дней, и мне на кладбище уже прогулы ставят?

Я постарался незаметно оглядеться. А вдруг наемный убийца где-то поблизости и терпеливо ждет, когда я расстанусь с сотрудницей уголовного розыска? Но людей вокруг было много, а как выглядят наемные убийцы, я не знаю. Да ладно, черт с ним, все равно ведь достанет он меня рано или поздно. От киллеров защиту еще не придумали, вон даже высших должностных лиц вплоть до президентов убивают.

– Вы далеко живете? – внезапно спросил я.

* * *

– Вы далеко живете? – неожиданно спросил Уланов.

– Далеко, – ответила Настя. – На Щелковском шоссе. А что?

– Хотите, я вас отвезу домой?

– Хочу, – честно призналась она. – Но мне неловко. Так что давайте не будем создавать вам проблемы.

– Никаких проблем, – Уланов отчего-то развеселился, даже лицо словно помолодело, – мне все равно нужно в те края. В дороге вдвоем веселее будет.

Настя удивленно взглянула на него. Станный он какой-то, Уланов этот. То сидел понурый, разговаривал неохотно, цедил слова, как одолжение делал, а то вдруг стал любезным, улыбается, предлагает подвезти и делает вид, что нуждается в попутчике. Он совершенно не производит впечатления человека, скучающего наедине с собой. Или он таким простеньким способом пытается свернуть беседу? Что ж, можно пойти ему навстречу, ничего толкового из него все равно не вытянуть. Почему-то она, посмотрев сегодняшний выпуск «Лица без грима», была уверена, что с Улановым что-то происходит и ей удастся его разговорить. Очевидно, она просчиталась, и свое время напрасно потратила, и человека зря побеспокоила.

– Спасибо, – кивнула она, – я буду вам признательна.

В машине Уланов снова стал молчаливым и хмурым, от недавнего оживления не осталось и следа. Нет, ни в каких попутчиках и собеседниках он не нуждался, это точно. Зачем же тогда повез ее домой?

– Александр Юрьевич, у вас никогда не возникало ощущения, что с вашей программой не все в порядке? – спросила Настя наобум.

– Нет, – резко ответил тот. – Что может быть не в порядке с программой? Выражайтесь яснее, пожалуйста.

– Попробую. Погибли двое ваших сотрудников. Это не плод больного воображения, это неоспоримый факт. Взрывное устройство было заложено в машину Андреева, в его личную машину, а не вашу «разгонную». Иными словами, мишенью преступников, по всей вероятности, был именно Андреев, директор программы «Лицо без грима». Я допускаю, что смерти его могли желать не обязательно в связи с работой на телевидении, но тогда мы с вами должны признать, что он занимался еще какой-то деятельностью, хотя почему-то ни вы, ни кто-либо другой из вашей команды об этой деятельности ничего не знает. Или знает, но не говорит, что, согласитесь, тоже непонятно и весьма подозрительно. Если же злоумышленники имели в виду убить не только его, но и Бондаренко, они должны были знать, что директор и корреспондент в это время и на этой машине поедут вместе. И тут я вынуждена делать вывод о том, что кто-то из вашего ближайшего окружения в студии либо сам поработал с машиной Андреева, либо дал заинтересованным лицам информацию о планах Виктора и Оксаны. Вам какой вариант больше нравится?

Уланов ответил не сразу, и Насте показалось, что он мысленно повторяет то, что она сказала, пытаясь обдумать и осознать услышанное.

– Никакой не нравится, – наконец подал голос телеведущий. – Я не вижу, зачем кому-то понадобилось убивать Виктора и Оксану, ни вместе, ни по отдельности. Почему бы вам не подумать над версией об ошибке преступника? Машина у Вити была самая обычная, «Жигули» седьмой модели, и цвет ходовой – белый. Может быть, взрывной механизм просто подложили не в ту машину?

– Мы работаем над этим. Владельцы всех машин, находившихся в тот момент поблизости, сейчас проверяются. Скажите, Александр Юрьевич, между Андреевым и Бондаренко не было близких отношений?

Уланов хмуро усмехнулся.

– Были. И что? Оксана не замужем, Виктор недавно развелся. Кому мешала их близость?

– О, вот тут вы не правы, – засмеялась Настя. – Штамп в паспорте имеет мало общего с правом на ревность. Собственно, ревность вообще не связана ни с какими правами. Законный муж может спокойно взирать на любовные похождения супруги, если ему так больше нравится, а брошенный много лет назад случайный любовник может до самой смерти изнывать от ревности и отчаяния.

– Возможно, – равнодушно согласился он. – Вы спортом занимаетесь?

– Я? – Настя изумленно взглянула на Уланова. – Нет. С чего вы взяли?

– Просто вижу, какие у вас кроссовки. Тщательно выбранные, дорогие, а не первые попавшиеся. Современному милиционеру это по карману?

– Что вы, это муж привез из Штатов, сделал мне подарок. Сама я никогда такие не купила бы, для меня это действительно дорого.

Она не только не купила бы такие «крутые» кроссовки, но и носить не стала бы, если бы не чрезвычайные обстоятельства. Настя любила носить недорогую удобную одежду, немаркую и не стесняющую движений, но ноги были, пожалуй, ее самым слабым местом. К вечеру, особенно в жару, они отекали, и день, проведенный в туфлях с изящной колодкой и на каблуке, превращался для нее в пытку, поэтому ради физического комфорта ей приходилось, как говорится, поступаться принципами. Надевать привезенные Алексеем кроссовки она отказалась категорически, ссылаясь на их просто вызывающую дороговизну, и упрямо ходила в спортивных ботинках, купленных почти три года назад. Ботинки она выбирала сама, они были достаточно удобными и, главное, привычными, да и в глаза никому не бросались. Но всему, к сожалению, приходит конец, и любимые ботинки не миновали этой печальной участи. Не далее как позавчера они развалились, причем одновременно и как-то одномоментно. Просто не выдержали очередного погружения в глубокую лужу, образовавшуюся после обильного апрельского мокрого снега с дождем. Погоревав полчаса, Настя со вздохом вынуждена была достать из шкафа красно-синюю коробку с новыми кроссовками.

Однако господин Уланов как-то не стремится поддерживать разговор о возможных причинах убийства своих коллег. Кроссовки ему кажутся более интересной темой. Или более безопасной? Если так, то сейчас он наверняка повернет разговор на Настиного мужа.

– Ваш муж бизнесмен? – спросил он.

Она с трудом сдержала улыбку.

– Нет, он ученый. Ездил читать лекции.

– По политологии?

– По математике.

– Да? А я был уверен, что русские ученые ценятся за рубежом только в связи с политикой или экономикой, ездят туда, чтобы рассказывать, почему у нас реформы буксуют и как трудно переходить от развитого социализма к недоразвитому капитализму.

Настя перестала сдерживаться и расхохоталась. Уланов в ответ даже не улыбнулся, лицо его было по-прежнему хмурым и каким-то рассеянным, словно он был погружен в собственные мысли, но изо всех сил старался поддержать беседу, чтобы не выдать своей озабоченности. И чем же вы, господин Уланов, так озабочены? Уж не гибелью Виктора Андреева и Оксаны Бондаренко, это точно, иначе вы с удовольствием продолжали бы обсуждать то, что с ними случилось. Так чем же?

* * *

Я изо всех сил старался не спешить, но до дома, где жила Каменская, мы все-таки доехали. К сожалению, ни одна дорога не бывает бесконечной. Почему-то я вспомнил, как на четвертом курсе журфака ехал зимой на экзамен, которого панически боялся. Был сильный мороз, троллейбус еле-еле полз по улице Герцена, а я стоял на задней площадке, тупо разглядывая узоры на покрытом инеем окне, и мечтал о том, чтобы эта поездка длилась вечно и мне никогда не пришлось выходить на улицу, входить в здание университета, подниматься в аудиторию, тянуть билет и отвечать на экзамене. Кстати, предчувствие меня тогда не обмануло, я-таки получил тройку, первую и единственную за все пять университетских лет. Меня не спасла даже пестрящая отличными отметками зачетка.

Хлопнула дверь, Каменская вошла в свой подъезд, и я снова остался один. Бог даст, до дома я все-таки доеду, никакой машины, которая сопровождала бы нас от Колхозной площади до Щелковского шоссе, я не заметил, хотя всю дорогу внимательно следил за идущими сзади автомобилями. Дома, как я уже говорил, мне ничего не угрожает. Да и возле дома, пожалуй, тоже. Вряд ли Вика согласится на то, чтобы меня убивали рядом с местом, где она живет. Хотя как знать... Все прожитые вместе с ней годы я был наивно уверен, что хорошо знаю свою жену, однако теперь мне приходится в этом усомниться.

Прошло еще пятьдесят минут, и я вошел в свою квартиру. В квартиру, в которой прожил шесть последних лет, не самых плохих в моей жизни. Господи, всего несколько дней назад все было так хорошо, мы с Викой ездили выбирать английский сервиз, планировали празднование ее дня рождения, мечтали о поездке в сентябре на Средиземное море. Мы наконец стали выбираться из беспросветной нищеты, в которой провели всю свою молодость. Ограничивали себя во всем, откладывая каждую копейку, копили на квартиру, терпели, сцепив зубы, мою сумасшедшую мать, которая изводила Вику, желая оставаться полновластной хозяйкой нашей крошечной давно не отремонтированной квартиры. Мы жили мечтой о собственном жилье, отодвигая рождение ребенка, и наконец, сделав последний рывок и заняв в долг недостающую сумму, купили себе жилье. Как мы радовались ему! Спали первое время на полу, ели из одной тарелки, постепенно, с каждой зарплаты, с каждого гонорара покупая мебель, посуду, полотенца, простыни. Два года назад мы, наконец, полностью свили гнездо. И с деньгами стало значительно свободнее, мы смогли купить машину, стали носить хорошую одежду. Сегодня я с уверенностью мог бы сказать, что все мучения кончились, мы выбрались из вечных долгов и теперь начнем жить по-человечески.

И вдруг оказалось, что Вику это не устраивает. Я ей мешаю, и она хочет, чтобы меня больше не было. Почему бы не развестись? Куда проще и дешевле. Но она не хочет развода. Что ж, я ее понимаю. При разводе придется делить имущество, от квартиры до чашек из английского сервиза. Она не хочет делить, она слишком хорошо помнит, как трудно и долго все это добывалось. Она хочет все сразу. Наверное, она с ужасом каждый вечер слышит, как я открываю дверь. Опять я явился. Меня опять не убили. Бедная... Устала ждать, наверное.

– Саша? – послышался из комнаты ее голос. – Как ты поздно.

Она вышла в прихожую в халате, наверное, уже собиралась ложиться в постель. Подошла ко мне, привычно подставила щеку для поцелуя, а я точно так же привычно наклонился и поцеловал ее. Запах духов неприятно ударил в нос. Что за дурацкая привычка пользоваться духами после душа! Черт возьми, а ведь мне всегда это нравилось. Раньше нравилось. И запах ее духов нравился, и то, что ими пахла наша постель.

– Саша, что случилось? – встревоженно спросила она. – Телефон весь вечер разрывается, все спрашивают про сегодняшний эфир.

– Ничего не случилось, – я не смог сдержать раздражения, и слова мои прозвучали, пожалуй, излишне резко.

– Но все говорят, что это было что-то невероятное! Жаль, я не видела, я как раз в это время домой ехала. Хоть ты мне толком объясни, что у тебя произошло.

– Ничего особенного. Не обращай внимания. Просто сегодня пришлось работать в прямом эфире, и гость программы выглядел не лучшим образом. Вот и все.

Она бросила на меня косой взгляд и обиженно отвернулась. Якобы обиженно. Конечно, раньше я никогда с ней так сухо не разговаривал. И вообще, все, что касалось моей и ее работы, всегда обсуждалось нами живо и заинтересованно. Мы очень дружили. Так, во всяком случае, мне казалось. Я и сегодня, несмотря ни на что, с удовольствием поделился бы с Викторией подробностями об интервью с кинопродюсером, но понимал, что ей это не нужно. И обида ее – наигранная. Ни капельки она не обиделась. Ей должно быть абсолютно безраз-

лично, что происходит у меня в студии. Ее теперь интересует только одно: как скоро нанятый ею человек избавит ее от моего тягостного присутствия.

Честно сказать, меня это тоже интересует. Правда, с несколько другими нюансами, но интересует.

ГЛАВА 2

Со стрессом, вызванным фактом вторжения воров, Юлия Николаевна Готовчиц справилась относительно легко. Ничего не украли – и слава Богу. Замок, правда, сломали на входной двери, но это и починить недолго. Однако наблюдая за мужем, она начинала тревожиться все больше и больше. Борис Михайлович Готовчиц, доктор медицинских наук, практикующий психоаналитик, на попытку кражи отреагировал явно, по мнению супруги, неадекватно. Он нервничал, был непритворно испуган, чем и зародил в душе Юлии Николаевны не только тревогу, но и подозрения, причем далеко не самые приятные. Вывод, который она сделала, заключался в том, что у Бориса есть какие-то неучтенные семейным бюджетом ценности, которые все-таки пропали, но о которых он не смеет признаться ни работникам милиции, ни ей самой.

Юлия Николаевна всегда старалась быть добросовестным налогоплательщиком, неприятностей на свою голову не искала, поэтому все финансовые дела семьи вела сама, строго следила за всеми получаемыми мужем гонорарами, заполняла налоговую декларацию и лично следила за тем, чтобы декларация эта была вовремя представлена в инспекцию по месту жительства. Она хотела спать спокойно. Слишком много беспокойных ночей пришлось ей, дочери крупного торгового работника, провести в детстве. Папочкины махинации в конце концов закончились плачевно, и путь в тюремную камеру был прерван веревочной петлей, которую отец в преддверии неминуемого ареста накинул на собственную шею. Именно тогда четырнадцатилетняя Юля сказала себе, что больше никогда не допустит в своей жизни ничего, мешающего спокойному существованию. Родителей, как известно, не выбирают, но уж свою-то жизнь человек строит сам.

Как только муж Борис взялся за частную практику, Юлия Николаевна сразу же поставила вопрос ребром:

– Или ты даешь мне слово, что мы будем жить честно, или я немедленно уйду и развожусь с тобой, – решительно заявила она. – Я свое уже в детстве отбоялась, когда родители на каждый шорох по ночам вскакивали. Больше я этого не потерплю.

Ей казалось, что Борис Михайлович понял ее, во всяком случае, возвращаться к этому разговору им не приходилось. Муж не возражал, когда Юлия взялась за контроль финансовых дел и отношений с налоговыми органами, и это позволило ей быть уверенной в том, что он ничего от нее не скрывает. Неужели все-таки он утаивает часть доходов? И пускает эту «зачатку» в коммерческий оборот, ввязываясь в сомнительный бизнес. А если не в просто сомнительный, а преступный? И вот теперь поделники устраивают с Борисом какие-то разборки. Никакого другого объяснения испугу и нервозности мужа Юлия Николаевна придумать не могла. Тем не менее все ее попытки прояснить ситуацию ни к чему не приводили. В свободное от консультаций время Борис Михайлович подолгу сидел в своем кабинете, методично перебирая книги и бумаги, будто что-то искал, но на вопросы супруги отвечал как-то невнятно.

– Боря, ну скажи мне честно, что у тебя украли? – ежедневно спрашивала Юлия Николаевна.

– Ничего, – рассеянно отвечал Борис Михайлович. – В том-то весь и ужас, что ничего.

– Я тебе не верю. Если ничего не пропало, то почему ты с ума сходишь? И что ты все время ищешь? Ты не можешь что-то найти и думаешь, что у тебя украли именно это? – допытывалась она.

– Да не ищу я ничего! – взрывался муж. – Оставь меня в покое.

– У тебя были деньги, о которых я не знала? Почему ты скрываешь от меня? Мы же договорились, Борис...

– Не было у меня никаких денег! Сколько можно повторять одно и то же? Не было.

Юлия Николаевна обиженно замолкала и уходила в спальню, однако уже через некоторое время обида отступала под натиском тревоги. Ведь как все просто, если разобраться: в доме есть деньги, их при желании можно найти, это несложно, но они не тронуты. И драгоценности есть, тоже все целы, лежат на своих местах. Так что же привлекло воров? Ответ очевиден: их интересовали совсем другие деньги, наверняка куда более значительные по сумме и сомнительные по происхождению. Более того, преступники знали, что эти деньги лежат отдельно, и знали, где именно. Какой отсюда вывод? У Бориса есть какие-то хитрые денежные дела, которые он ведет втайне от жены, и в этих делах есть, мягко говоря, хорошо информированные компаньоны, а грубо выражаясь – сволочные сообщники. Этого еще не хватало в хорошо устроенной и устоявшейся жизни Юлии Николаевны! Мало ей нервотрепки в школьные годы, так теперь еще нужно из-за мужниных глупостей трястись от страха. Муж обманывает ее, это теперь яснее ясного.

Но не это самое плохое. Дело в другом. Тогда, много лет назад, она была совсем ребенком, и что бы ни натворил ее отец, ответственности за это не несла. Теперь другой разговор. Если вдруг окажется, что Борис нечист в своих денежных отношениях с государством, то вина падет и на нее. Кто поверит, что она ничего не знала и ни в чем не участвовала? Не зря же говорят: муж и жена – одна сатана. И если случится скандал, то и она, Юлия Николаевна Готовчиц, будет замарана. Она, пламенный борец за налоговую дисциплину, она, депутат Готовчиц, журналистка, сделавшая себе имя на разоблачениях нечистоплотных политиков. И прощай, репутация! Ну как же Борис этого не понимает? Ведь сколько раз говорила, просила, убеждала...

И Юлия Николаевна стала делать то, чего прежде никогда себе не позволяла. Когда муж разговаривал по телефону, она снимала трубку параллельного аппарата и слушала. Она рылась в его карманах и в ящиках письменного стола в кабинете. Она подслушивала под дверь, когда Борис Михайлович принимал посетителей. Конечно, все это были люди, приходившие на консультацию, но вдруг кто-то из них окажется из тех? Это было унижительно до отвращения, ни разу за тридцать шесть прожитых лет Юлия Готовчиц ничего подобного не делала, считая такие действия постыдными и недостойными уважающего себя человека. Но она хотела знать правду. А муж ей, что очевидно, правды не говорил.

* * *

Стало уже совсем тепло, в кабинете у Насти, на Петровке, окно было распахнуто настежь, и истошный визг тормозов заставил ее выглянуть на улицу. Нет, слава Богу, не авария. Всего лишь Игорь Лесников, который яростно хлопнул дверцей сверкающего «БМВ» и влетел в здание. Не прошло и трех минут, как он ворвался к Насте.

– И все-таки я был прав! – почему-то торжествующе выдохнул он.

Настя подняла на него недоуменный взгляд.

– Тоже мне новость. Ты всегда прав. Что на этот раз?

– Помнишь, я тебе рассказывал про кражу у психоаналитика? Точнее, там был взлом, ничего не украдено.

– Помню, – кивнула она.

– И помнишь, я еще тогда тебе говорил, что мне этот психоаналитик чем-то не понравился?

– Тоже помню. Что он натворил теперь?

– Пока не знаю. Зато мы имеем в наличии труп его жены. Не остыл еще.

– Красиво, – протянула Настя, откидываясь на спинку стула и расправляя плечи, затекшие от долгого сидения за столом над бумагами. – А почему эта радость досталась нам, а не округу?

– А потому, что супруга испуганного психоаналитика является депутатом Государственной Думы, ни больше и ни меньше. Вот так, любезная Анастасия. Жди теперь солнечных дней и массу приятной работы.

– Да ну тебя, – Настя расстроено махнула рукой. – Депутатские убийства – не мой профиль. Мне бы что-нибудь про жизнь, про любовь, про застарелую вражду. Это я умею. А в политике я все равно не разбираюсь.

Лесников ехидно улыбнулся.

– Как говорил профессор, у которого я когда-то писал диплом: неграмотность – не аргумент. И не надейся, что Колобок тебя пощадит, принимая во внимание твою патологическую нелюбовь к политике и экономике.

– Да уж, – Настя обреченно вздохнула. – Выходит, можно говорить о том, что взлом был попыткой кражи не у психоаналитика, а у его жены. Кстати, как ее зовут-то?

– Юлия Николаевна Готовиц.

– Это которая за налоговую дисциплину все время боролась?

– Ну вот, а говоришь, что газеты не читаешь. Врешь ты все, светлейшая, под дурочку работаешь.

– Но я их действительно не читаю. То есть читаю, конечно, но только то, что имеет отношение к криминалу. Зато Лешка смотрит по вечерам информационные программы, и мне приходится это слышать. Можешь мне поверить, я бы с гораздо большим удовольствием послушала «Трубадура» вместо «Вестей» и «Итогов». Но Чистяков мои вкусы в этой части не разделяет, как ни печально.

Это было правдой. Настин муж проявлял поистине чудеса терпимости и с пониманием относился ко многим ее слабостям и недостаткам, но в одном он был непреклонен: в восемь вечера «Вести», в девять «Время» и в десять часов «Сегодня» – это святое и неприкосновенное, а если супруга желает послушать классическую музыку, то пожалуйста, в любое свободное от информационных программ время.

Но шутки шутками, а взлом и вторжение в квартиру вкупе с последующим убийством хозяйки-парламентария ничего приятного не сулили. Искали скорее всего не деньги и ценности, а какие-то документы. Правильно говорил Настин отчим, много лет проработавший в уголовном розыске: во главе всего стоит борьба за информацию. И в одних случаях ее хотят добыть, а в других – уничтожить, вот, собственно, и весь расклад. Если не удалось найти и изъять документы, то после этого частенько просто избавляются от людей – носителей особо опасных знаний.

Заниматься борьбой за информацию Насте Каменской было интересно. Жаль только, что информация эта носит, судя по всему, характер политический. Но ничего не попишешь. Мало ей телевизионных денежных дел... Да, в последнее время ей везет все реже и реже, времена такие настали, что в основе преступлений все чаще оказываются мотивы и поводы, Насте совершенно неинтересные, а вот любви, ревности, мести и затаенной злобы становится все меньше.

Игорь Лесников ушел докладываться Гордееву, а через полчаса полковник вызвал к себе Настю.

– Хватит сиднем сидеть, – проворчал он, – поезжай вместе с Игорем к мужу потерпевшей. Конечно, он сейчас не в том состоянии, чтобы давать членораздельные показания, но время упускать нельзя. Сами понимаете, депутат Госдумы. Каждую минуту могут начаться звонки и всяческие требования. Двигайте, ребятки, не тяните.

– А... – начала было Настя, но Виктор Алексеевич не дал ей задать вопрос. Он слишком хорошо знал свою подчиненную.

– Не бойся, тебя в Думу не пошлю. Тебе там делать нечего. Слабовата ты для разговоров с нашими политиками. Думцами будет заниматься Коротков, его ничем не прошибешь. Сегодня поработаешь с Игорем, потом я переключу его на другую линию, а тебе оставлю мужа убитой, ее родственников и друзей.

– Спасибо, – благодарно кивнула Настя, в который уже раз возблагодарив судьбу за такого начальника.

Ну что ж, уже легче. Каждый раз, когда от руки преступников погибал кто-нибудь из видных деятелей и пресса поднимала по этому поводу страшный шум («Банкиров убивают!» «Министров отстреливают!» «Убирают неудобных журналистов!»), Насте ужасно хотелось, чтобы в результате оказалось, что преступление было совершено по сугубо личным мотивам. В конце концов, банкиры, министры и журналисты – точно такие же люди, как и все остальные, у них есть близкие, есть любимые, есть друзья, а стало быть, есть враги и есть те, кто ревнует. Есть какие-то денежные отношения, есть прошлое, из которого частенько выползают страшные полузабытые тени. Почему всех людей могут из-за этого убивать, а видных личностей – не могут. Никто и не покушается на прогрессивную деятельность честного министра, просто он садист и сволочь и довел любовницу до нервного срыва. Вот она и схватилась за нож...

Насте Каменской очень хотелось, чтобы убийство депутата Юлии Готовчиц оказалось именно таким, «бытовым». То есть самым обыкновенным.

* * *

За годы работы в уголовном розыске ей довелось видеть множество людей, у которых погибли близкие. Все вели себя по-разному. Кто-то был в ступоре, словно окаменел, кто-то бился в истерику, некоторые держали себя в руках, как умели. Но такие, как Борис Михайлович Готовчиц, попадались Насте крайне редко. Положа руку на сердце, можно сказать, что и вовсе не попадались.

Борис Готовчиц был напуган. Причем напуган так сильно и так явно, что, казалось, даже не чувствовал боли утраты. Он ни минуты не сидел спокойно, постоянно меняя позу, хрустел пальцами, все время что-то вертел в руках, а взгляд его был обращен внутрь себя. Похоже, он даже плохо слышал своих собеседников.

– Борис Михайлович, тело вашей жены было обнаружено на улице Островитянова. Вы не знаете, что она делала в этом районе?

– Нет. Я вообще не знаю, где это.

– Это на юге Москвы, рядом со станцией метро «Коньково». Там еще есть большой вещевого рынок.

– Не знаю. Может быть, что-то покупала на рынке...

– Среди ее вещей не было никаких покупок, только сумочка. На этой улице не живут ваши знакомые или родственники?

– Я же сказал, не знаю. Ну сколько можно, в самом-то деле!

– Столько, сколько нужно, – неожиданно жестко произнес Лесников.

Настя кинула на него укоризненный взгляд. Разве так можно? У человека жену убили, естественно, что у него реакция не вполне адекватная. Когда человек в таком состоянии, ему нужно прощать и хамство, и грубость, и глупость, и забывчивость. Однако Готовчиц даже не заметил резкости оперативника, настолько он был погружен в себя.

– Расскажите, пожалуйста, как можно подробнее, о вчерашнем дне. Где были, что делали вы и Юлия Николаевна? Куда ходили, кто вам звонил, о чем вы разговаривали?

– Все, как обычно. Встали в половине восьмого, как и каждый день. Завтракали. Разговаривали... О чем-то... Сейчас уже точно не помню. Ничего особенного. В десять я начал прием, а Юля в своей комнате работала, готовила материалы для выступления в Думе. Потом обедали, часа в два примерно. В четыре ко мне снова пришли на консультацию. Когда пациентка уходила, Юли уже не было дома. Больше я ее не видел. Вот...

Готовчиц снова захрустел пальцами и отвернулся.

– Во время утреннего приема вам кто-нибудь звонил? – спросила Настя.

– Не знаю. В моем кабинете есть телефон, но, когда я работаю с пациентом, я его обязательно отключаю. Вы должны это понимать.

– Да-да, конечно, – торопливо согласилась она. – А другой аппарат?

– В спальне и на кухне. Но, когда я веду прием, Юля устанавливает минимальную громкость звонка, чтобы в кабинет не доносилось ни звука. Она даже по квартире ходит на цыпочках. Во время беседы должны существовать только я и пациент. Двое во всем мире. Понимаете? Ощущение, что рядом есть кто-то третий, очень мешает. Никаких посторонних шумов быть не должно.

– Значит, вы не знаете, звонил ли кто-нибудь вам или вашей жене с десяти до двух?

– Мне кто-то звонил... Я уже не помню. Юля всегда записывала, что передать, и после приема мне все рассказывала.

– Значит, вчера во время обеда она вам доложила, кто вам звонил, – уточнил Игорь.

– Да, конечно.

– А о том, кто звонил лично ей, она не говорила?

– Я не помню. Может быть... Я не очень вслушивался.

– Почему?

Вопрос был самым обычным, но психоаналитик на него не ответил, только неопределенно пожал плечами.

– Во время обеда Юлия Николаевна делилась с вами своими планами на вторую половину дня?

– Нет... Кажется... Я не вслушивался.

– Вы были чем-то озабочены, встревожены?

– Я? Нет. С чего вы взяли?

– Значит, для вас является обычным, когда вы не слушаете, что говорит ваша жена?

Это было, конечно, хамством со стороны Лесникова, но прояснить ситуацию все-таки надо. Может быть, в этой семье не все ладно? И убийство депутата Госдумы является не политическим, а самым что ни есть бытовым?

Готовчиц перевел на Лесникова взгляд, который вдруг стал осмысленным и острым.

– Не хотел бы думать, что вы пытаетесь на что-то намекать. Мы с вами, Игорь Валентинович, уже встречались, когда воры взломали дверь в мою квартиру. Надеюсь, вы помните об этом. Естественно, что сам факт взлома не давал мне покоя, хотя ничего и не пропало. И я был этим весьма озабочен.

Сейчас перед Настей сидел совсем другой человек, собранный, серьезный. Надо же, он даже вспомнил, как Лесникова зовут, хотя Настя точно знала, что в этот раз Игорь своего имени-отчества ему не называл. Просто «капитан Лесников». А она – «майор Каменская».

– Скажите, а ваша жена тоже переживала по поводу взлома? – спросила Настя.

– Да.

Сказано это было твердо, но почему-то показалось неубедительным.

– В квартире есть бумаги или документы, принадлежащие Юлии Николаевне?

– Разумеется.

– Прошу вас их показать.

Готовчиц резко поднялся с кресла, в котором сидел. Только теперь Настя обратила внимание на его внешность: красивый рослый мужчина, слегка за сорок, густые, хорошо постриженные волосы, крупные черты лица. Но нервозность отчего-то делала его маленьким и суетливым. Более того, Насте приходилось делать над собой усилие, чтобы не видеть его плешивым. «Вот ведь чудеса, – усмехнулась она про себя. – Иной актер полжизни отдал бы за то, чтобы уметь собственным усилием создавать внешний образ, не имеющий ничего общего с реальной действительностью. Надо же, как внутреннее состояние может влиять на восприятие внешности! Никогда не поверила бы, если бы своими глазами не увидела».

– Принести сюда или вы посмотрите на месте?

– Посмотрим на месте, там, где они находятся, – ответил Игорь.

Бумаги покойной находились в гостиной, в секциях мебельной стенки. Готовчиц молча вытащил их и положил на диван.

– Пожалуйста, знакомьтесь.

– А где Юлия Николаевна обычно работала, когда находилась дома? – спросил Игорь.

– Когда как. Если я вел прием, то в спальне, подальше от кабинета, я вам уже объяснял...

– Да-да, – торопливо кивнул Лесников. – А в другое время?

– Здесь, в гостиной, или на кухне.

– Значит, в спальне и кухне тоже могут быть бумаги?

– Наверное. Посмотреть?

– Будьте любезны.

Борис Михайлович вышел, оставив их одних.

– Ты что, собираешься все это смотреть прямо здесь? – недоверчиво спросил Лесников.

– Нет, конечно, заберем с собой. Но первичный просмотр надо бы сделать в присутствии хозяина. Может быть, понадобятся какие-то пояснения. Зачем же его потом дергать по телефону каждые пять минут.

– С ума сошла! – выдохнул он. – Здесь же работы на два дня.

– Не преувеличивай, – Настя поморщилась и взяла в руки тонкую пластиковую папочку. – Сейчас быстро рассортируем в первом приближении и поедем. Или ты торопишься?

– У меня ребенок болеет, жена совсем замучилась, несколько ночей не спала. Просила, чтобы я хоть раз пришел пораньше и дал ей отдохнуть.

– Так иди. Я сама справлюсь. Правда, Игорек, поезжай, будем надеяться, что уважаемый психоаналитик меня не съест.

– А вдруг это он жену... А? Не боишься оставаться один на один с убийцей?

– Да ну тебя! – фыркнула Настя. – Во-первых, я через это уже проходила много раз и пока цела. А во-вторых, если убийца – он, то почти наверняка не из-за того, что содержится в этих бумагах. Поэтому, пока я копаюсь в документах жены, я для него не опасна, потому что отрабатываю неправильную версию. И он мне в этом деле будет первым другом и верным помощником.

Лесников взглянул на часы.

– Половина восьмого. Но ты точно не обидишься, если я поеду?

– Да точно, точно. Поезжай. Завтра увидимся.

Из кухни доносился звук передвигаемых стульев, хлопали дверцы навесных шкафов.

– Пойди взгляни, чего он там копается, – шепотом попросила Настя.

Игорь быстро выскользнул из комнаты. В самом деле, нельзя было оставлять хозяина одного. Как знать, все ли бумаги убитой жены он собирается предоставить работникам уголовного розыска? А может, захочет что-то утаить?

Раздался грохот падающего стула, и Настя испуганно выскочила на кухню. На полу валялись папки, отдельные листы и опрокинутая табуретка, а хозяин квартиры молча стоял, опустив руки, и, казалось, не понимал, что происходит.

– Я вам помогу, – Настя наклонилась и принялась собирать бумаги. – Иди, Игорь, мы сами справимся.

Борис Михайлович опустил на колени рядом с ней, но ни одной бумажки с пола не поднял, просто наблюдал за Настей, ожидая, пока она все соберет. И даже не вздрогнул, когда за Лесниковым захлопнулась дверь.

– Простите меня, Борис Михайлович, я понимаю, что мои расспросы кажутся вам сейчас неуместными. И вообще мое присутствие вас тяготит. Но нам надо раскрывать преступление, и вам, к сожалению, придется терпеть наше вмешательство в вашу жизнь еще какое-то время, – как можно мягче сказала она.

– Какое именно? – спросил Готовчиц.

– Хотелось бы надеяться, что недолгое. Но тут трудно прогнозировать. Как повезет.

Он медленно поднялся с колен, поставил на место опрокинутую табуретку и сел.

– Давайте поговорим здесь. Не возражаете?

– Давайте. Сделать вам чаю? – предложила Настя.

– Да, спасибо.

Она включила электрический чайник и огляделась. Кухня была красивой, просторной, со встроенной мебелью, идеально подогнанной под размер стен. Открывая дверцу шкафа, чтобы достать чай и сахар, Настя машинально отметила, что это не цельное дерево, а шпон. Иными словами, мебель добротная, но не из самых дорогих. Тысяч за шесть-семь долларов. Из цельного дерева вышло бы куда дороже, тысяч под двадцать, если не больше. В семье царит достаток, но без шика и излишеств.

– Борис Михайлович, я могла бы объяснить ваше состояние свалившимся на вас горем. Но мне кажется, что есть что-то еще. Я ошибаюсь?

Готовчиц поднял на нее тусклый взгляд, снова обращенный внутрь себя, потом с трудом шевельнул губами.

– Нет, вы не ошибаетесь. Но, если я скажу вам, что меня тревожит, вы, вероятно, сочтете меня сумасшедшим. Мне бы этого не хотелось.

– И все-таки... – Вы настаиваете?

– Да, я настаиваю, – твердо сказала Настя.

– Мне кажется, что я схожу с ума.

Он сделал паузу, вероятно, ожидая ответной реплики. И не дождавшись, повторил:

– Мне кажется, что я схожу с ума.

– Почему вам так кажется?

– У меня появилась мания преследования. Это признак тяжелого расстройства.

– Давайте попроще, ладно? В чем выражается ваше расстройство?

– Мне кажется, что за мной следят. Мне кажется, что в мое отсутствие в квартиру приходят посторонние и роются в вещах и бумагах. Я умом понимаю, что этого не может быть, но постоянно нахожу всевозможные подтверждения этому. Не зря, вероятно, говорят, что человек, все время имеющий дело с психическими расстройствами, рано или поздно сам становится похож на своих пациентов. Вот и со мной это произошло.

«Прелестно, – с ужасом подумала Настя. – Сейчас выяснится, что он страдает психическим заболеванием и вполне мог убить любимую супругу в состоянии острого психоза. А я, идиотка, отпустила Игоря и осталась с ним один на один. Ну, Каменская, ты даешь! Ничему жизнь тебя не учит».

– Начнем по порядку, – как можно хладнокровнее сказала она. – Откуда появилось ощущение, что за вами следят?

– Я замечаю одних и тех же людей рядом с собой. В разных местах, в разных концах города.

– Разных людей или одного и того же человека?

– Разных. По крайней мере троих. Пожалуй, даже четверых.

– Уверены, что не ошибаетесь? Не обознались? Похожих людей очень много, уверяю вас.

– У меня прекрасная память на лица. Я отчетливо вижу, что одежда другая, а лицо то же самое.

– Борис Михайлович, но ведь это совершенно объяснимая вещь. Вспомните, вас недавно пытались обокрасть. Вы утверждаете, что ничего не пропало. Это означает, что преступники не нашли то, что искали. Просто не успели в намеченное время, и им пришлось скрыться. А коль не нашли, стало быть, будут продолжать попытки. Поэтому вполне естественно, что они следят за вами, чтобы точно знать, когда квартира будет пустой, чтобы предпринять еще один заход. Вас устраивает такое объяснение?

Готовиц посмотрел на нее более осмысленно, во всяком случае, глаза его уже не были такими тусклыми, как несколько минут назад.

– Значит, вы считаете, что за мной действительно могут следить?

– Конечно. Это более чем реально.

– Вы хотите сказать, что это не бред? Не мания?

– Думаю, нет, – соврала Настя, хотя вовсе не была в этом уверена. – И если вас устраивает мое объяснение, то нам придется вернуться к вопросу о краже. Что искали преступники в вашей квартире?

– Но я уже говорил Игорю Валентиновичу, я не знаю. Ума не приложу.

– Вы абсолютно уверены в том, что ничего не пропало?

– Абсолютно.

Готовиц стал раздражаться, и Насте на мгновение стало по-настоящему страшно. Что, если он на самом деле сумасшедший? Сейчас как разозлится, да и ткнет ее ножичком для разделки мяса, благо он совсем близко висит, рукой дотянуться можно. Нет, не нужно рисковать.

– У Юлии Николаевны были враги? – свернула она в другую сторону.

– Враги? – переспросил Борис Михайлович.

– Ну да. Завистники, недоброжелатели или просто обиженные ею люди. Люди, которые могли желать ей зла.

– Она журналистка... Вы должны понимать, что у любого журналиста обязательно есть враги. Хотя бы те, о ком он писал нелюбимые вещи. У Юли было острое перо и язвительный стиль, полагаю, она многих обидела. Неужели ее из-за этого убили? Я как-то не верил, что журналистов могут убивать за то, что они публикуют.

– Журналисты такие же люди, как мы с вами, их могут убить за что угодно, совсем не обязательно за то, что они пишут. Но ваша жена была еще и депутатом. Она не рассказывала вам о каких-нибудь конфликтах в депутатской среде?

– Да нет... Впрочем, я не особенно вникал. Но если бы ситуация была достаточно серьезной, я бы запомнил. Юля, видите ли... она... очень вязкая, если вам понятно, что я имею в виду. Застревает на всем подолгу, повторяет одно и то же по многу раз. Чем серьезнее ситуация, тем чаще она о ней рассказывает... рассказывала... Да... простите...

Он на секунду зажмурился, потом снова открыл глаза.

– Одним словом, я бы запомнил.

– Хорошо, тогда помогите мне, пожалуйста, рассортировать ее бумаги. Не буду больше терзать вас разговорами, вы, наверное, все это уже рассказывали сегодня следователю.

– Нет, со следователем я не разговаривал.

– Вот как? – удивилась Настя.

– Да, он попросил меня приехать завтра. Знаете, мы с ним встретились в морге на опознании, он спросил, когда и куда вчера ушла Юля и где я сам был вечером. Наверное, я очень плохо выглядел, потому что он сжалился надо мной и сказал, что допросит меня завтра.

Настя про себя усмехнулась. Следователь Гмыря был хорошим мужиком, но состраданием к потерпевшим обычно не отличался. Просто он был многодетным отцом, своих четверых детишек обожал и собственные семейные интересы всегда ставил выше служебных. Он даже в свое время из уголовного розыска ушел на следственную работу, потому что не хотел рисковать и оставлять (тьфу-тьфу, не сглазить) жену вдовой, а детей сиротами. Правда, в нынешнее веселенькое время работа следователя не менее опасна, чем работа сыщика, но Гмыре отчего-то казалось, что так будет спокойнее. Наверное, торопился к детям, домой или на родительское собрание в школу, потому и отпустил мужа убитой после самой поверхностной беседы, хотя и не полагалось бы так поступать.

В течение часа она с помощью Бориса Михайловича рассортировала бумаги покойной, разделив их условно на «личные», «семейные», «журналистские» и «депутатские», после чего ушла, оставив Готовчица наедине со своим горем.

«Странно, – думала она, трясаясь в набитом поезде метро, – я так долго пробыла в квартире, и за все это время не раздалось ни одного телефонного звонка. Ни друзей и родственников с утешением и сочувствием, ни пациентов. Вообще никого. Так не бывает. Неужели семья была настолько нелюдимой? Да нет, не похоже. Разве что Борис Михайлович предусмотрительно отключил телефон, чтобы не мешали».

Подходя к своему дому, Настя поймала себя на трусливой мысли: хорошо бы, чтобы Лешки не было. Поймала – и ужаснулась. Неужели ее решение два года назад вступить в брак было ошибкой? Неужели прошло всего два года, и она поняла, что никакой муж ей не нужен, даже такой чудесный, как Алексей? Нет, нет, долой такие мысли, они не имеют права приходить в ее голову. Лешка самый лучший, самый умный, самый терпеливый, самый добрый и внимательный.

Ей казалось, что она убедила себя, однако, открыв дверь квартиры и увидев свет, ощутила укол разочарования. Муж дома. И с ним придется общаться. Самой что-то рассказывать, слушать его, отвечать на вопросы... А может быть, все дело в том, что ей вообще никто не нужен? И какая разница, хороший Леша или плохой. Ни хороший и ни плохой, он ей все равно не нужен.

«Бред, – одернула себя Настя, – полный бред. Как это мне Лешка не нужен? Просто я устала, я вымоталась за последние месяцы так, как никогда прежде, и больше всего на свете мне хочется тишины и одиночества, вот и все. Но это же пройдет, это обязательно пройдет, нужно только набраться терпения и постараться никого не обижать. И уж тем более Лешку. Он вообще святой, потому что терпит меня вместе со всеми моими выходками и выкрутасами уже двадцать лет. В школе-то я еще ничего была, а с возрастом характер стал портиться, да и работа моя к душевности и мягкости не располагает. А Лешка все это сносит безропотно. Да ему памятник ставить надо!»

Во время этого молчаливого монолога она успела расшнуровать кроссовки и вдруг сообразила, что муж не вышел в прихожую ей навстречу, как это бывало всегда. И вообще ни из комнаты, ни из кухни не доносилось ни звука. И ужином почему-то не пахло. Может быть, ей все-таки повезло и Алексей остался в Жуковском, у родителей? Да, но свет-то горит...

Быстро сунув ноги в уютные мягкие тапочки, Настя заглянула на кухню, потом в комнату. Господи, как все просто! Лешка спал на диване, с головой завернувшись в теплый клетчатый плед. «Вот и хорошо, – с облегчением подумала она, – можно еще какое-то время побыть в одиночестве и помолчать».

Осторожно притворив дверь комнаты, она на цыпочках прошла в кухню и заглянула в холодильник в надежде найти что-нибудь пригодное для ужина. Надежды, однако, не оправдались. Продуктов, правда, было много, но все нужно готовить. А готовить, естественно, не хотелось. Ладно, обойдемся кофе с печеньем. И вкусно, и сытно, и хлопот никаких. Достать чистую чашку, печенье и банку с растворимым кофе «Капитан Колумб» – и можно дольше не вставать с места, благо электрический чайник стоит прямо на столе.

Минут двадцать Насте удалось провести в благодатной тишине, а потом отчаянно зазвонил телефон. Спohватившись, что аппарат остался в комнате рядом со спящим мужем и кляня себя последними словами, она ринулась снимать трубку. Но было поздно. Алексей проснулся и заворочался под пледом.

– Анастасия Павловна? – послышался в трубке смутно знакомый голос.

– Да, я вас слушаю.

– Это Готовчиц.

Ну конечно, Готовчиц. Теперь она отчетливо вспомнила его голос и манеру говорить.

– Вы просили немедленно сообщить, если кто-нибудь будет звонить Юле...

– Да-да. И кто звонил?

– Какой-то Дмитрий. Фамилию не назвал.

– Вы сказали ему, что ваша жена... – Настя замялась.

– Нет, вы же предупреждали. Я спросил, что передать. Он оставил свой телефон и сказал, что будет ждать Юлиного звонка.

– Кто он такой, не знаете?

– Нет.

– И имени этого от Юлии Николаевны не слышали?

– Нет, – повторил Борис Михайлович.

Настя записала имя и номер телефона, которые продиктовал ей Готовчиц. Где-то она уже видела этот номер... Давно, это точно, но видела. И даже звонила по нему. Память на цифры у Анастасии Каменской была отменная.

– Давно пришла? – сонно спросил Алексей.

– Только что, – быстро соврала она.

– Не ври, я же чувствую, как твой «Колумб» пахнет. Ты уже и кофе выпить успела. Почему не разбудила?

– Жалко было, ты так сладко спал.

– Я, между прочим, не ужинал, тебя ждал, специально лег спать, чтобы спастись от голода. А ты и рада мужа уморить.

Насте стало стыдно. Все-таки она неисправимая эгоистка! Думает только о том, как бы избежать разговоров и побыть в тишине и одиночестве, а Лешка ждет ее голодный.

Но чувство стыда быстро заглохло под натиском любопытства. Кто такой этот Дмитрий с таким знакомым номером телефона? Она должна вспомнить, должна. Конечно, завтра утром она придет на работу и в течение десяти минут выяснит, чей это телефон, но до утра еще так долго, а узнать поскорее так хочется... Можно, правда, набрать номер и поговорить с абонентом, но есть опасность все испортить.

Она поплелась следом за мужем на кухню, повторяя мысленно семь цифр и имя: Дмитрий. Нет, определенно, она звонила по этому номеру. Несколько лет назад. Вспомнить бы, при каких обстоятельствах...

– Что ты делаешь? – вывел ее из задумчивости испуганный окрик Алексея.

– А что?

Она недоуменно посмотрела на свои руки и обнаружила, что пытается очистить огурец для салата при помощи черенка столовой ложки.

– Извини, – пробормотала она виновато, – задумалась.

– Сядь на место, пожалуйста, – сердито сказал муж, – и не наноси урон хозяйству. Толку-то от тебя...

В течение нескольких минут тишину в кухне нарушал только стук ножа: Алексей быстро резал огурцы и зелень. Настя попыталась было снова сосредоточиться на знакомом номере телефона, но муж опять прервал этот сладостный процесс самопогружения.

– Ася, что с тобой происходит? – спросил он, не оборачиваясь.

– Ничего, солнышко, я же сказала: просто задумалась.

– Может быть, ты наконец перестанешь делать из меня идиота?

В его голосе так явственно зазвучал холод, что Настя невольно поежилась. Господи, ну что еще? Чем она на этот раз провинилась?

«Мне не нужно было выходить замуж, – обреченно подумала она в очередной раз. – Ни за Лешку, ни за кого бы то ни было вообще. Я не создана для совместного проживания с другим человеком».

– Я уезжал всего на каких-то неполных три месяца, – продолжал Алексей, – а когда вернулся, застал вместо тебя совершенно другого человека. Прошло три недели с момента моего возвращения, и за все эти три недели я ни разу не увидел рядом с собой женщину, которую двадцать лет любил и знал как самого себя. Ты стала другой и не соизволила удостоить меня никакими объяснениями. Сейчас я хочу услышать от тебя вразумительный ответ: что происходит?

– Ничего, – она пожала плечами и потянулась за сигаретой.

– Ты встретила другого мужчину, которого смогла полюбить сама?

– Что значит сама? – попыталась отшутиться Настя. – Разве любить тебя мне кто-то помогает?

– Не нужно так, Ася.

Он помолчал, сосредоточенно очищая дольки чеснока и разрезая их пополам перед тем, как засунуть в «давилку».

– Я прекрасно понимаю, что из нас двоих целую я, а ты лишь подставляешь щеку. Много лет я с этим мирился, но каждый день ждал, что найдется человек, которого ты будешь целовать сама. Так что, дорогая моя, это случилось?

– Ты с ума сошел!

Она расхохоталась, несмотря на то, что поводов смеяться вообще-то не было, да и настроения, надо признаться, тоже.

– Лешка, это тебя в твоей Америке так испортили? Что за бредовые мысли в твоей голове? Ты всегда будешь для меня лучше всех на свете, и не делай, пожалуйста, вид, будто ты этого не знаешь.

– Ну, вероятно, чем-то я все-таки нехорош, коль ты не считаешь нужным делиться со мной своими проблемами.

– Леша, но мы сотни раз это обсуждали, – в отчаянии сказала Настя. – Незачем тебе вникать в мои проблемы, они носят сугубо служебный характер, и помочь в их разрешении ты все равно не можешь, как бы ни старался.

– Ты врешь.

Он произнес это абсолютно спокойно, по-прежнему стоя к ней спиной и занимаясь салатом, одновременно следя, чтобы мясо на сковороде не пригорело. Настя замерла, как кролик перед удавом, с ужасом ожидая продолжения. Но его не последовало. Алексей высказал свою точку зрения и замолк, по-видимому, не желая ничего из нее вытягивать, ловить на слове и доказывать, почему она врет. Пауза затягивалась, и с каждой секундой Настя все острее ощущала необратимость происходящего. Надо было отвечать сразу, и каждое мгновение, проведенное в молчании, делало все дальнейшие слова все более и более бессмысленными. Нужно что-то сказать, но слов не было, и желания говорить не было. Была только огромная

усталость и стремление побыть в одиночестве, чтобы не нужно было ни с кем разговаривать. Никому ничего не объяснять. Не отвечать ни на какие вопросы. Никого не видеть. Просто закрыть глаза, посмотреть внутрь себя и подумать. Наверное, так устроены далеко не все, чаще всего люди любят общаться и обсуждать с близкими, а то и с не очень близкими, свои проблемы, делиться тревогами и надеждами, спрашивать совета. Но она, Настя Каменская, устроена по-другому. В последнее время она все чаще ловит себя на мысли, что ей вообще никто не нужен. Ни мама, ни отчим, ни муж, ни коллеги по работе. То есть коллеги, конечно, нужны, но именно для того, чтобы вместе делать дело, а больше ни для чего. Ни для душе-спасительных бесед, ни для сплетен, ни для хныканья в жилетку.

Господи, как долго она молчит! Лешка, наверное, думает, что она испугалась его обвинений во лжи и судорожно сочиняет какие-то оправдания. Слишком много времени прошло после его последней фразы, теперь что бы она ни сказала – все покажется ему надуманным, фальшивым. Враньем, одним словом. К тому же наспех состряпанным. «А может, не нужно прерывать паузу? – подумала Настя трусливо. – Леша обиделся, теперь будет молчать по крайней мере до утра. Что, собственно говоря, и требовалось. И пусть думает, что хочет. Я-то точно знаю, что ни в чем перед ним не провинилась и никакого нового мужика не завела, так что оправдываться мне не в чем. Разве я смогу объяснить ему, что со мной происходит? Разве смогу рассказать, на сколько десятков лет постарела, пока жила с мыслью, что мой отчим – преступник? Но, если не рассказать ему обо всем, что произошло, пока он был в Штатах, он никогда не сможет понять, почему мне так хочется тишины и одиночества. Кто это написал: «Тишины хочу, тишины... Нервы, что ли, обожжены?» Кажется, Евтушенко. У меня внутри все сгорело. Все силы ушли на то, чтобы смириться с предательством отчима и не умереть от ужаса, боли и горя. А унижение, которое я перенесла, умоляя Заточного взять меня к себе на работу? Больше меня уже ни на что не хватает. А Лешка, глупый, думает про каких-то чужих мужиков...»

Она вскочила и крепко обняла мужа, прижавшись щекой к его спине.

– Осторожно, у меня острый нож, – недовольно произнес Алексей. – Я порежусь, если ты будешь меня толкать.

– Леш, ты лучше всех на свете! – искренне сказала Настя. – Без тебя я бы ни одно преступление не раскрыла.

– Да ну?

Чистяков обернулся и посмотрел на нее, скептически приподняв брови.

– Что за очередная выдумка? Пытаешься ускользнуть от разговора?

– Никогда. Я тебя обожаю.

Она чмокнула его в щеку и ушла в комнату, где стоял телефон. Она вспомнила, кому принадлежал телефонный номер, который продиктовал ей Борис Михайлович Готовчиц.

ГЛАВА 3

Они не встречались почти пять лет. За это время Дмитрий Захаров слегка погрузнел, а виски стали совсем седыми. Но глаза оставались по-прежнему хитрыми и лукавыми, словно он постоянно хотел напомнить собеседнику о чем-то таком... пикантном. Известном только им двоим. Насте от этого взгляда делалось не по себе, хотя она точно знала, что так Димка смотрит на всех, а не только на нее.

– Значит, ты по-прежнему в сыском агентстве?

– В охранном, – поправил Захаров. – Именно поэтому мне и пришлось отказать милейшей Юлии Николаевне. Я объяснил ей, что могу только организовать личную круглосуточную охрану ее мужа либо охрану квартиры, а слежкой мы не занимаемся, это не наш профиль.

– Она говорила тебе, почему хочет следить за собственным супругом? – поинтересовалась Настя.

– Нет. Она с ходу начала выяснять, можем ли мы установить постоянное наблюдение за ним и его связями, а я точно так же с ходу ее прервал и посоветовал обратиться в другую фирму. Дал ей несколько телефонов и сказал, что если ее эти фирмы не устроят, могу помочь подыскать другие варианты. Вот, собственно, и все.

– А зачем ты ей вчера звонил?

– Хотел предложить услуги своего приятеля. Мы с ним когда-то вместе в отделении работали, потом потеряли друг друга из виду, а на днях он вдруг объявился, и оказалось, что он открыл агентство, как раз и специализирующееся на слежке за неверными супругами. Только-только начал, и ему нужна клиентура. Вот я и подумал, что если Юлия Николаевна еще никого не нашла, то я их солью в сыщическом экстазе. Слушай, а когда ее убили-то?

– Позавчера. Дим, будь другом, принеси мне еще кофе, – попросила Настя, – а то я никак не проснусь.

– Ничего себе! – Захаров присвистнул и посмотрел на часы. – Время – половина одиннадцатого.

– Ой, Дима, для меня это все равно что пять утра. Я до трех часов дня вообще не человек, а полусонная особь непонятного пола. Зато после часа ночи самая жизнь начинается. Надо спать, а голова пашет как заведенная, мысли всякие рождаются, придумки придумываются, даже что-то вроде охотничьего азарта во мне просыпается.

– Ну, положим, я и так знаю, что именно в тебе иногда просыпается в пять утра, – весело подмигнул он, вставая, чтобы принести Насте еще одну чашку кофе.

Они сидели в тихом уютном китайском кафе на Красной Пресне. В этот час Настя и Дмитрий Захаров были здесь единственными посетителями, остальные пять столиков пустовали, и стулья вокруг них отчего-то казались сиротливыми. Зато и оглушительной музыки, типичной для таких заведений, не было, и это радовало Настю больше всего.

– Пей, кофеманка, – Дима поставил перед ней уже третью за время их разговора чашку кофе и уселся напротив.

Настя не спеша размешала сахар, отложила ложечку и погладила Захарова по руке.

– Димочка, я не люблю прозрачных намеков на свое нецеломудренное прошлое, поэтому давай договоримся раз и навсегда: этого не было. И это не предмет для обсуждений. Хорошо?

– Как это не было, когда было, и я это прекрасно помню, – рассмеялся он, накрывая Настину ладонь другой рукой.

– Это было не со мной. Я прошу тебя, Дима... Пожалуйста. Ты просто подловил момент, когда меня можно было затащить в постель.

– Я не понимаю, – очень серьезно сказал Захаров. – Тебе что, неприятно об этом вспоминать? Ты стыдишься того, что произошло? Жалеешь об этом?

– Не жалею и не стыжусь. Это было прекрасно. Но именно было. БЫЛО. И больше не будет. Поэтому нет смысла вообще говорить об этом.

– Забавная ты, Настюха, – усмехнулся он. – По-прежнему не замужем?

– Увы, – она шутливо вздохнула и отняла руку. – Сломалась. В мае будет два года, как я стала замужней дамой.

– И, конечно, хранишь верность супругу?

– Конечно, – Настя весело улыбнулась. – Но он, к счастью, в этом сомневается.

– Не понял, – протянул Дмитрий. – Почему «к счастью»?

– Потому что он вчера устроил мне сцену ревности, заподозрив в измене, и только благодаря этому мне удалось вспомнить, что по номеру телефона, который продиктовал мне Готовчиц, я звонила когда-то именно тебе. Сидела и перебирала в голове: может, я действительно давала Лешке повод для ревности? Вот и про тебя вспомнила. Ладно, Димуля, вернемся к покойной Юлии Николаевне. Какое впечатление она на тебя произвела?

– Сильная дамочка, с характером.

– Ты хочешь сказать, с норовом? – уточнила она.

– Да нет, я бы так не сказал. Именно с характером. Сильная, волевая, умеет смотреть в глаза неприятностям и не прятаться от них. Мне даже показалось, что она как бы ищет негативную информацию.

– А поточнее? – насторожилась Настя.

– Ну вот... – Захаров на мгновение задумался. – Есть люди, которые ни за что не верят в плохое, даже если это плохое происходит на их глазах. Они придумывают сто пятьдесят объяснений и оправданий, прячут голову в песок. Самый типичный пример – матери наркоманов. Парень ходит бледный, синюшный, аппетита нет, голова кружится, на глазах худеет, а она вместо того, чтобы насторожиться, уговаривает себя, что он, бедненький, в институте надрывается, учебой себя изводит. Из дома деньги и вещи пропадают, потому как парню же нужно на что-то раскумариваться, а она готова признать себя рассеянной растеряхой, только бы не думать о том, что сын деньги ворует. А есть другая категория людей, которые за любым безобидным фактом видят страшную опасность и моментально верят в то, что случилось самое плохое. Так вот покойница была как раз из таких. Что-то такое она за своим муженьком заподозрила и тут же кинулась собирать информацию.

– И к кому ты ее направил?

Захаров назвал три частные сыскные конторы, которые порекомендовал некоторое время назад Юлии Николаевне Готовчиц.

– У тебя там приятели? – спросила Настя, быстро записывая сведения в блокнот.

– Знакомые.

– Протекцию не составишь?

– Зачем тебе моя протекция? Они нормальные ребята, не кусаются.

– Ну конечно, а то я не знаю, – фыркнула Настя. – Мы все нормальные, пока нам вопросов не задают. А как до дела доходит, так сразу начинаются проблемы с памятью. Димуля, съезди к ним вместе со мной, а?

– А что мне за это будет? – лукаво прищурился Дмитрий.

– Что попросишь, – неосмотрительно пообещала она.

– И попрошу. Дашь?

– Димка! Мы же договорились.

– Ты сама сказала: что попросишь. Я и попросил. А что, нельзя?

– Прекрати, – сказала она сердито. – Это не обсуждается.

– Почему? Давай обсудим. Нам было очень хорошо, я это отчетливо помню. Не понимаю твоего упрямства.

Настя вздохнула, сделала очередной глоток кофе, вытащила сигареты. Она не очень хорошо представляла, как правильно вести себя в такой ситуации. Мужчины никогда не помогали ей, и в запасе не оказалось выработанных и оправдавших себя приемов вежливого и не оскорбительного отказа.

– Дима, зачем тебе это нужно? Внесешь в реестр и поздравíš себя с очередной партнершей? Никогда не поверю, что ты искренне этого хочешь.

Он внимательно посмотрел на нее, потом улыбнулся.

– Ты очень красивая.

– С ума сошел! Да на меня без слез не взглянешь. Ни кожи, ни рожи. Не валяй дурака.

– Глупая. Кому нужна твоя рожа вместе с кожей? Я же помню, какие у тебя ноги, да и все остальное – высший класс. Я вижу, ты по-прежнему все свои достоинства успешно прячешь, ходишь в джинсах и свободных свитерах. Кого другого ты этим, может, и обманешь, но не меня. Я-то тебя видел.

– Ну и что из этого? Ты хочешь уложить меня в постель, потому что у меня ноги красивые?

– И грудь тоже. И вообще ты замечательная любовница. Поэтому, что бы ты ни говорила, я буду предпринимать все новые и новые попытки, пока не добьюсь своего. Предупреждаю честно, чтобы потом ты не ныла. Да не смотри ты на меня с таким ужасом! Я пошутил. Если ты хочешь, чтобы мы закрыли тему – так тому и быть.

– Меня от твоих шуток в дрожь бросает, – пробормотала Настя.

– Не в дрожь, а в краску, – уточнил он. – Не сердись, Настюха, это у меня юмор такой. И манеры плохие. Просто если женщина мне нравится, я никогда этого не скрываю. Ты хочешь ехать прямо сейчас?

– Да, если ты можешь.

Она была благодарна Захарову за резкую смену темы. Не умеет она поддерживать такие скользкие разговоры. Нет, не совсем так... Если бы она сейчас играла, притворялась роковой женщиной, предварительно одевшись соответствующим образом и сделав тщательный макияж, то вполне могла бы провести беседу на высоком, как говорится, уровне, быстро найти изящные и не обидные ответы и даже заставить собеседника смутиться. Но тогда это была бы уже не она, а та женщина, которую она изображает. А сама она, Настя Каменская, совершенно не привыкла к тому, что мужчины проявляют к ней интерес. Ну в самом деле, какой может быть интерес у нормального мужика к бесполому существу в бесформенном свитере, джинсах и кроссовках, с бесцветными бровями и ресницами, бледным лицом и бескровными губами. От отсутствия мужского интереса к себе она не страдала, ибо внимание это было ей не нужно. Просто не интересно. У нее был Лешка, сначала верный друг-одноклассник, потом такой же верный друг-любовник, а в последние два года – не менее верный муж. У нее в юности были романы, и даже страстные, которые Лешка мужественно переживал втихомолку, но романы эти не были для Насти тем главным, что полностью захватывает ум и сердце и подчиняет себе всю ее жизнь. Самым интересным для нее были логические задачи, которые она с упоением решала. Каждое новое преступление – новая задача, и работа над ней – радость, и найденное наконец верное решение – счастье. А все остальное казалось ей второстепенным и не таким уж важным. Ведь если вспомнить тот эпизод с Димкой Захаровым, то он имел место только потому, что она решила очередную задачу. Полночи крутилась на диване, перекладывала плитки мозаики то так, то эдак, и когда вдруг нашла единственно правильный расклад, при котором из этих плиток сложилась ясная и точная картинка, для нее это была такая радость, что она не смогла удержаться и помчалась в соседнюю комнату, где спал Дима, чтобы разбудить его и поделиться открытием. Она была

счастлива в этот момент и от радости совершила глупость, не подумавши: позволила ему сделать то, на что он перед этим весь вечер прозрачно намекал. Как давно это было... Летом девяносто второго, когда она выманивала на себя наемного киллера Галла, убившего сотрудника милиции. Они с Захаровым тогда изображали супружескую пару и должны были какое-то время ночевать в одной квартире.

«Забавно, – с улыбкой подумала Настя, поднимаясь из-за столика и застегивая куртку, – похоже, Захаров – единственный мужчина, который видит во мне женщину и именно поэтому меня хочет, если не придушивается, конечно. Все остальные, которых было, честно говоря, совсем немного, реагировали на ясный ум и спокойный характер, а вовсе не на внешность, которой я никогда не могла похвастаться».

Машина у Дмитрия была хорошая, дорогая. Настя вспомнила, что пять лет назад он ездил на «Жигулях». Даже номер вспомнила.

– А что, охранная деятельность приносит неплохой доход, – прокомментировала она. – Твой транспорт стал существенно дороже.

– Так и я стал лучше, – тут же отозвался Захаров. – Старше, умнее и опытнее. Во всех отношениях.

– Димка!

– Что ты, что ты, – замахал он руками, – я ничего такого в виду не имел, только навыки профессиональной деятельности, которые усовершенствовались и потому стали оплачиваться гораздо лучше. А ты уж готова подумать Бог знает что.

Он засмеялся и слегка обнял Настю, быстро проведя рукой по ее спине и талии.

– Что бы ты ни говорила, все-таки ты чертовски хороша, Каменская. И если бы не слово джентльмена, которое я, как дурак, тебе дал, я бы изнасиловал тебя прямо в машине.

– Но ты его дал, – напомнила Настя, осторожно высвобождаясь и отступая на шаг.

– Я ж говорю – дурак. Садись, поехали.

* * *

Ну вот, наконец-то я увидел того, ради кого моя жена решила спасти наше совместно нажитое имущество от раздела. Этого мужика можно было бы считать достойным соперником, если бы не одно «но». Он готов взять Вику вместе с деньгами, половина из которых принадлежит мне. То есть моральной чистоплотностью он, вероятно, не страдает. И Вика не может этого не понимать, она никогда не была дурой, напротив, сколько я ее знал, моя жена очень трепетно относилась к подобным вещам. Достаточно вспомнить, с каким мужеством и достоинством она терпела выходки моей матушки. Я, бывало, срывался, орал на мать, но Вика каждый раз меня одергивала и корила. «Она больной человек, Саша, – говорила жена, – ты должен это понимать и быть терпимым. В конце концов, это твоя мать, она тебя любит, и этого достаточно. А меня любить она вовсе не обязана, я ей чужой человек, и ты не имеешь права требовать от нее, чтобы она хорошо ко мне относилась». Вика, Вика... Ты всегда была такой доброй, разумной, такой чудесной, и я так тебя любил. Что же произошло? Почему ты хочешь забрать себе все, с таким трудом добытое и нажитое, и бросить к ногам этого роскошного красавца?

Вероятно, он лучше меня, вот и все. Никаких других причин нет, но и этой вполне достаточно. Может быть, ты так его хочешь, что умираешь не то что от его прикосновения, а от одной мысли о нем. Такое бывает, я знаю. Я и сам когда-то точно так же умирал при мысли о Вике.

Сегодня программа в эфир не пошла, руководство телеканала, которому мы продаем нашу передачу, принесло извинения: в связи с очередным парламентским скандалом понадобилось время для дополнительного блока новостей. Поэтому вместо того, чтобы нахо-

диться в студии, как предполагалось, я отправился в свой любимый книжный магазин, в который не заходил уже несколько месяцев. Времени на то, чтобы читать, в последнее время было немного, если я выкраивал несколько свободных часов, то предпочитал проводить их с Викой и с друзьями, а теперь я вдруг понял, что нуждаюсь в книгах. До меня даже не сразу дошло, что происходит, и только спустя несколько дней я вдруг сообразил, что не могу и не хочу больше общаться ни с кем. Все меня раздражает. Только книги остались.

Так вот, сел я в машину и отправился в центр Москвы. В магазине я провел добрых полтора часа, переходя в зале самообслуживания от одного стенда к другому, снимая с полок книги, листая их, читая аннотации и наугад открытые страницы. Выбрав несколько изданий и оплатив их, я вышел, но никуда не поехал, а прошел полквартала пешком до бара, где, как я знал, варили изумительный кофе и подавали отличную пиццу. Вика тоже этот бар любила, мы часто бывали здесь. Чему же удивляться: именно там я ее и увидел. Вместе с моим «достойным соперником». Они с аппетитом ели пиццу, запивая ее светлым пивом, и оживленно разговаривали. Пиццу запивать пивом – для этого надо совсем ничего не понимать. Для пиццы существует кьянти, замечательное красное вино, и Вике оно всегда очень нравилось. Но, очевидно, у ее кавалера были несколько иные представления. Я бы сказал, представления деревенские. Ну ладно, смягчим формулировку: провинциальные.

Народу было много, большой зал набит почти битком, и они меня не увидели. Я не особенно старался прятаться, нашел свободный столик, взял кофе и принялся листать только что купленные книги, то и дело кидая взгляд на воркующую парочку, которая меня не замечала.

Странно. Вика всегда казалась мне очень красивой. Я не романтический юнец и понимаю, что абсолютного критерия красоты не существует. Вика была красивой именно для меня, никакая другая женщина мне не была нужна, но это вовсе не означало, что ее должны были считать красавицей все мужчины поголовно. Мне она нравилась, и этого было достаточно. Но сейчас я пытался увидеть ее глазами этого дорого одетого красавца и приходил в недоумение. Зачем она ему? Что он в ней нашел? Никакая Вика не красавица, у нее самая обыкновенная, даже простоватая внешность, да и годы привлекательности не прибавляют. Сорок – они и есть сорок. Не старуха, конечно, но юной прелестной свежести нет и в помине. Лицо усталое, подбородок начал отвисать, спина «поплыла». Зачем она ему?

Впрочем, вопрос был чисто риторическим. Реформы реформами, а проблемы остались. Я тысячи раз видел такие ситуации и таких мужиков. Провинциал без гроша за душой и без профессии, позволяющей зарабатывать деньги, а хочет жить в Москве, в хорошей квартире в центре города, и ездить на иномарке. Да и как ему этого не хотеть, если с кино– и телеэкранов он с самого детства видел эту красивую жизнь и мечтал о ней, с отвращением волоча ноги по раздолбанным тротуарам родного городка (а то и деревни, где тротуаров вообще нет, а горячая вода, сортир в доме и телефон до сих пор остаются несбыточными мечтами). На последние бабки он покупает дорогие шмотки и едет покорять столицу, точнее, ее истосковавшихся по «красивенькому» состоятельных обитателей. Дарит цветы, смотрит в глаза, говорит нужные слова и всю старается на сексдромах. Глядишь, какая-нибудь да и клюнет.

И Вика клюнула. Я еще раз взглянул на нее и внезапно подумал: как некрасиво она ест. Почему я раньше этого не замечал? Или это появилось только в последнее время?

Мне захотелось уйти из бара, но я трусливо остался. Пока здесь Вика, наемник меня не убьет. Если это случится, всех присутствующих задержат и начнут разбираться, и очень скоро выяснится, что одна из посетительниц не кто иная, как моя родная супружница, которая находилась здесь почему-то не со мной, а с совершенно посторонним мужчиной. Еще шаг – и выяснится, что это ее любовник. Следующий шаг – и зародится подозрение, что

неверная жена хотела избавиться от надоевшего мужа. Нет, так дело не пойдет. Вика не дура, да и киллер, надо думать, не на помойке себя нашел.

«Достойный» встал из-за стола и направился к двери, ведущей в туалеты. Понятное дело, пописать захотел, вон пива-то сколько выхлестал. Вика, оставшись одна, судорожно схватила сумочку, вытащила пудреницу и начала поправлять косметику. Ах ты Боже мой! Сидела, видно, как на иголках, опасаясь, что лицо блеснит, но не посмела в его присутствии достать зеркало и привести себя в порядок. А он, однако, парень простой, захотел в туалет – и пошел, стесняться не стал. Я хорошо знаю свою жену, она ни за что не пойдет в туалет в такой ситуации, будет мучиться, терпеть, умирать, но не пойдет. Почему-то ей это кажется неприличным. А что тут неприличного? Организм функционирует как ему положено. Закон природы. Я даже почувствовал что-то вроде симпатии к ее любовнику: парень без комплексов. А Вика всю жизнь страдает от своей жирной кожи, но стесняется припудриваться в присутствии мужчин. А уж о том, чтобы спросить, где туалет, и речи быть не может. Дурочка...

Я поймал себя на мысли о том, что совершенно не думаю о погибших ребятах, Вите и Оксане. Наверное, если бы не грядущая смерть от руки заказчика, я бы переживал, ломал голову над тем, кому понадобилось подкладывать в Витину машину взрывное устройство, может быть, даже начал бы бояться, что и до меня доберутся. Но поскольку до меня, как выяснилось совершенно случайно, уже и так добрались, то ни чужая смерть, ни тем более чужая жизнь меня больше не интересуют.

Ладно, хватит прятаться за Викину спину. Она хоть и «поплывшая», как я только что заметил, но все-таки женская. Надо уходить отсюда. Кофе свой я уже выпил, а наличие в нескольких метрах от себя собственной жены с любовником радости не прибавляет. Конечно, пока Вика рядом, я буду жив, но это не основание для того, чтобы держаться за ее юбку двадцать четыре часа в сутки. Кстати о юбке. Что-то я раньше ее на Вике не видел. Новая, что ли? Естественно, все женщины, заведя любовника, начинают обновлять гардероб, хотят понравиться, произвести впечатление. Мужу, по их представлениям, нравиться не обязательно, он уже и так муж, никуда не денется, при нем можно ходить лахудрой, с намазанным кремом лицом и в старом халате. Господи, как я изменился за последнее время! Вика в домашнем халатике всегда казалась мне такой родной, теплой и уютной, а лечебные мази и кремы на ее милом личике приводили меня в умиление: она изо всех сил борется с жирным блеском кожи, чтобы хорошо выглядеть. Теперь я готов был ненавидеть ее за эту простоту.

Протискиваясь к выходу, я бросил последний взгляд на их столик. Красавец уже справил нужду и снова с удовольствием потягивал пиво из высокой кружки, а Вика что-то ему рассказывала. Интересно, о чем они могут разговаривать? Что между ними общего? Постель – это само собой, особенно в период взлета эмоций, но ведь в сутках двадцать четыре часа, и нельзя их полностью занять сексом. В оставшееся время приходится общаться. Начитанная, образованная, тонкая Вика – и этот провинциальный донжуан, который за всю жизнь прочитал небось полторы книжки, одна из которых – правила дорожного движения, и еще половинка – расписание автобусов до ближайшего райцентра.

Проезжая по Тверской, я заметил растянутый над проезжей частью транспарант «Мирей Матье в Кремле» и поймал себя на том, что даже не посмотрел на даты концертов. Еще месяц назад, увидев на афише ее имя, я бы запрыгал от радости и немедленно помчался бы узнавать, когда и где будут продавать билеты. Мирей Матье, певица нашей с Викой молодости, мы покупали пластинки с ее записями, мы сделали все возможное и невозможное, чтобы попасть на ее концерт в Большом театре много лет назад. Из газет я знал, что после смерти своего постоянного продюсера Матье три года не выступала, и при обычном течении событий я просто не смог бы не захотеть послушать ее после такого трагического перерыва. А теперь какой смысл думать об этом? Даже если концерт состоится уже завтра, я все равно могу не дожить до него. Завтра... Для меня это слово утратило смысл, я перестал его

понимать и чувствовать. У меня нет завтра, есть только тот момент, в котором я живу. Пока еще живу. Может быть, в следующую секунду я уже прекращу это глупое и бессмысленное занятие.

До дома, как ни странно, удалось добраться вполне благополучно. Вяло бродя по квартире, я окидывал взглядом такие знакомые, любовно выбранные вместе с Викой вещи и все пытался понять, неужели можно ради них забыть и перечеркнуть те годы, которые мы прожили с ней. Ведь нам было очень хорошо, мы почти не ссорились, мы любили друг друга. А может быть, я себя обманываю? Это я любил Вику, а она всего лишь терпела меня, ожидая, когда из способного небесталанного журналиста наконец вылупится человек, умеющий делать деньги и обеспечивающий ее безбедное существование. Что ж, следует признать, что она своего дождалась. Наверное, в самом начале она и не ожидала, что я смогу делать такие деньги. За последний год мы скопили достаточно для того, чтобы вообще больше не работать ни одной минуты и жить долго и счастливо, хотя и без роскоши, но в достатке до глубокой старости. Часть этих денег предназначалась для моей матери. Она еще относительно молода, всего шестьдесят семь, сердце здоровое, так что век ей уготован отнюдь не короткий, но она совсем сумасшедшая и жить одна не может. Надо или помещать ее в больницу, или нанимать постоянную сиделку-компаньонку с проживанием. И то и другое стоит отнюдь не дешево, но я должен это сделать. Мы с Викторией много раз говорили об этом, и мне казалось, она относилась к моей идее с пониманием и одобрением. Но теперь я начинаю думать, что это было совсем не так. Она умело притворялась, а внутри у нее все кипело при мысли о том, что ей придется делиться с этой ненавистной свекровью, на которую было потрачено столько нервов и душевных сил. Она все предусмотрела, даже то, что при разделе имущества через суд мне присудят не половину, а большую часть, поскольку на моем иждивении находится нетрудоспособный инвалид. А если я умру, ни с кем делиться не придется, Вика не обязана опекать мою мать.

Я могу спасти свою жизнь, просто уйдя от жены и оставив ей все. Машину, квартиру со всем, что в ней есть, деньги. Тогда она меня не тронет и будет жить в любви и финансовом согласии со своим провинциалом. Но я-то, я как буду жить? На что? Возвращаться к сумасшедшей матери, которая с утра до вечера орет по любому поводу и без повода, потому что таинственные голоса ей нашептывают всякие мерзости о происках сионистов и о прилете инопланетян, и она с упоением обсуждает эти проблемы сама с собой? Ни за что. Лучше сразу в крематорий. Рядом с матерью я не могу находиться дольше двух минут. А если не возвращаться на старую квартиру, то где жить? И на что? Витя с Оксаной погибли, денег программа больше не получит, потому что только они умели эти деньги добывать, так что с телевидением придется проститься в самое ближайшее время. «Лицо без грима» умрет самое позднее недели через три-четыре. Снова заняться журналистикой? Можно, но денег это принесет ровно столько, чтобы не сдохнуть под забором от голода. А все остальное где взять? Жилья нет. Машины нет, а журналист без машины – это почти смешно, он же ничего успевать не будет. И что тогда делать с матерью, на какие средства помещать ее в больницу или нанимать сиделку? Остается только один способ выжить: ввязаться в какой-нибудь криминал. Это может принести быстрый и неплохой доход, а через очень короткое время – долгий и нехороший срок в тюрьме.

Нет, добровольный уход без раздела имущества – не выход из положения. Придется влачить такое существование, что лучше уж вовсе не жить. Что, собственно, я и собираюсь сделать.

Вика явилась, против ожиданий, совсем не поздно, примерно за полчаса до того времени, когда я обычно возвращаюсь домой после эфира. Наверное, она снова надеялась, что я уже не приду никогда, а я – вот он, собственной персоной, валяюсь на диване в брюках от спортивного костюма с книжкой в руках.

– Ты почему так рано? – спросила она удивленно.

– А что тебя не устраивает? – ответил я вопросом на вопрос. – Все устраивает. Я очень рада, что ты уже дома.

Она наклонилась, чтобы поцеловать меня. Запах пива ударил в нос, и я невольно поморщился. А раньше мне всегда нравилось, когда от моей жены чуть-чуть пахло алкоголем. Странно. И как мне мог нравиться этот омерзительный запах свежего перегара?

– Ты пила?

– Только пиво, – Вика бросила взгляд на журнальный столик, где стопкой лежали мои сегодняшние приобретения. – Ты купил новые книги?

– Как видишь, – сухо сказал я.

– Чем ты расстроен, Саша? – озабоченно спросила она. – Что-нибудь случилось?

– Ничего особенного. Обычные производственные трудности. Устал.

– Как прошел эфир?

– Нормально.

Я не стал объяснять ей, что эфира сегодня не было. Зачем? Ей ведь на самом деле совершенно не интересно, как прошла передача, она просто изображает заботливую и любящую жену и произносит все предписанные ролью реплики. Не стоит заставлять ее выслушивать длинные и ненужные ей рассказы о моих производственных и непроизводственных проблемах. Ей и без того сейчас нелегко: бегала на свидание к любовнику, нервничала, опасаясь нарваться на знакомых, потом торопилась домой, чтобы успеть вернуться раньше мужа, которого нанятый ею убийца все никак не прикончит. Не жизнь, а сплошное мучение.

– У тебя новая юбка? – спросил я, наблюдая, как она раздевается и вешает одежду в шкаф.

– Да, – Вика с улыбкой повернулась ко мне. – Тебе нравится?

– Нет.

– Почему?

– Тебе не идет. Она на тебе плохо сидит, и ты выглядишь в ней толстой теткой. И чего тебе в голову пришло покупать такую дрянь?

– Саша... Ее губы задрожали, глаза мгновенно наполнились слезами.

– Правда? Она действительно мне не идет?

– Нет, шучу.

Я снова уткнулся в книгу, злорадно усмехаясь про себя. Пусть теперь думает, была ли это грубая и хамская шутка или она действительно сделала неудачную покупку и предстала перед глазами своего хахалы стареющей толстухой. Не все же мне страдать, право слово, пусть и Вике слегка достанется.

Она молча развесила вещи на плечиках в шкафу и ушла на кухню. Я углубился в книгу и некоторое время с удовольствием читал, забыв обо всем, в том числе и о скорой неминуемой смерти.

– Саша.

Я оторвал глаза от книги и обнаружил Вику стоящей рядом с диваном.

– Я внимательно тебя слушаю, дорогая, – предельно вежливо произнес я.

– Саша, что с тобой происходит? Тебя как подменили.

– Подменивают младенцев в роддомах, а взрослые мужчины никому не нужны. Не выдумывай, будь добра.

– Я не выдумываю, я же вижу: с тобой что-то происходит. Ты стал злым, сухим...

– Ничего подобного. Я точно такой же, каким был раньше. Это ты изменилась и теперь готова из мухи делать слона. Чего ты завелась? Только оттого, что мне твоя юбка не понравилась? Так ты себя вини, а не меня. Это ты сделала такую дурацкую покупку, а не я. Раньше ты никогда не купила бы вещь, которая тебе не идет, потому что слов таких от меня не слы-

шала. А то, что ты в свои сорок натянула на себя юбчонку, которую впору носить двадцатилетней девчонке, говорит только о том, что это ты стала другой. Ты, а не я. И не сваливай с больной головы на здоровую.

– По-моему, если у кого голова больная, то у тебя. Что за бес в тебя вселился? Ты плохо себя чувствуешь?

– Я чувствую себя прекрасно. А что касается бесов, то они живут в каждом из нас. Если ты забыла великого Достоевского, советую перечитать. И пожалуйста, сделай одолжение, не употребляй алкогольные напитки днем, это дурной тон.

– Хорошо, – коротко ответила она. – Я могу рассчитывать на ответное одолжение с твоей стороны?

– Можешь. Я тебя слушаю, дорогая.

– Сходи к психиатру. Говорят, эти болезни передаются по наследству. Мне кажется, тебе пора позаботиться о состоянии твоих мозгов, с ними явно не все в порядке.

Она вышла из комнаты, ожесточенно хлопнув дверью. Некоторое время из кухни доносилось звяканье посуды, потом стали просачиваться аппетитные запахи жарящегося мяса с луком. Мясо Вика готовила отменно. Я успел прочесть еще несколько страниц, когда зазвонил телефон. В кухне был параллельный аппарат, поэтому я не двинулся с дивана. Пусть Вика снимет трубку и поговорит, это наверняка наш провинциал, интересуется, как добралась и успела ли стереть прелюбодейское выражение с лица до прихода мужа.

Через некоторое время Вика снова появилась в комнате.

– Только что звонила Света Любарская, – сообщила она таким тоном, словно я должен был немедленно проникнуться трагизмом происходящего и начать рвать на себе волосы.

– И что Света сказала? – вяло поинтересовался я, не отрываясь от книги, хотя отлично понимал, зачем она звонила и что сказала.

– Ты действительно сказал Виталию, что не придешь к ним на юбилей?

– Действительно сказал. Не вижу в этом повода для обсуждения.

– Почему? Почему ты сказал, что не придешь?

– Потому что не приду. Впрочем, это не означает, что ты не можешь пойти. Я говорил только о себе.

– Что происходит, Саша? Любарские – наши друзья вот уже сколько лет. Вы что, поссорились с Виталием?

– Нет. Просто я не хочу туда идти, вот и все.

– Почему?

– Потому что не хочу. Не хочу слушать идиотские разговоры о том, что мне неинтересно, не хочу слушать сопливые туристские песни, которые Виталий, когда выпьет, начнет петь под гитару своим козлиным тенором, не хочу видеть, как его престарелая жена Света строит глазки всем подряд и при этом глупо хихикает. Не хочу. Тебе понятно?

– Как ты можешь? – возмутилась Вика. – Виталий очень неплохо поет, тебе же всегда нравилось. И Света совсем не престарелая, она наша ровесница. Откуда в тебе столько злобы? Это же наши друзья.

– Мне никогда не нравилось, как он поет. Я притворялся и терпел, именно потому, что, как ты выразилась, они наши друзья. А что касается Светы, то я очень советую тебе посмотреть на себя в зеркало и вспомнить, в каком году ты родилась. Пора уже перестать чувствовать себя молодой и думать так же о своих ровесниках.

– Виталий на тебя обиделся, и Светка расстроилась. Нельзя так вести себя, Саша, – укоризненно сказала она. – Зачем ты обижаешь людей? Мало ли какие у всех нас недостатки, но надо быть терпимыми, иначе с ума сойдешь, замечая за всеми малейшие промахи. Да, Виталий – не Юрий Визбор и не Сергей Никитин, но он хороший порядочный человек, с которым тебя связывает очень многое. У них со Светой двадцатилетие со дня свадьбы, и ты

своим отказом их глубоко оскорбил. Немедленно позвони им, скажи, что у тебя изменились обстоятельства и ты обязательно придешь, а дело, которое у тебя было назначено на вечер субботы и из-за которого ты отказался к ним пойти, ты перенес на другое время. Давай, Саша, вставай с дивана и звони.

Подтекст этой пламенной речи я услышал очень хорошо. Ты, дескать, не должен обращать внимания на то, что я старею и дурнею, потому что я твоя жена и вместе прожито немало лет, и нельзя перечеркивать все это и обижать меня только из-за того, что тебе не понравилась юбка, которую я купила. Ну, Виктория Уланова, ну, актриса! Как будто она вообще способна сейчас на меня обижаться! Я уже, можно сказать, одной ногой в могиле, из-за моих прогулов на кладбище мне давно пора строгий выговор объявлять, а она со мной разговаривает как с живым человеком, с которым собирается жить до старости. Что ж, молодец, девочка, ты всегда была умненькой и тонкой. Впрочем, это я, кажется, уже говорил.

– Я не буду никому звонить, – спокойно ответил я, перелистывая страницу. – И в субботу к Любарским не пойду. Ты можешь пойти одна.

– Они обидятся, – строго повторила Вика.

– Пусть.

– Что – пусть?

– Пусть обижаются.

– Но ты потеряешь друзей.

– Тоже пусть.

– Тебе не нужны друзья?

– Нужны. Но в принципе. В общем, так сказать. Виталик Любарский и его дурочка-жена мне не нужны. От них одни хлопоты. Мне надоели его бесконечные просьбы устроить его машину в сервис и на техосмотр, одолжить денег или составить протекцию.

– Но ведь и он тебе в чем-то помогает, – возразила она, не очень, впрочем, уверенно.

– Да? – Я оторвался от книги и с любопытством глянул на жену. – В чем, интересно? Пример приведи, пожалуйста.

Она взорвалась. Глаза яростно засверкали, губы побелели.

– Как ты можешь! – почти закричала Вика. – Как тебе не стыдно? Разве друзей оценивают по количеству оказанных ими услуг? Друзья – это друзья, и никаких расчетов тут не может быть. Немедленно иди к телефону и звони. А завтра утром поедем с тобой покупать подарок.

– Подарок ты сможешь купить и без меня, – я снова уткнулся в книгу. – На юбилей к ним я не пойду. И все. Закончим на этом.

Она долго молча смотрела на меня, потом вышла из комнаты, тихонько притворив за собой дверь, словно я был тяжелобольным и нуждался в покое. Что ж, в известном смысле так оно и есть. По крайней мере впервые в жизни я позволил себе в течение почти часа быть абсолютно искренним, высказывать собственные мысли вслух, не приукрашивая их вежливыми формулировками, и не говорить «да», когда на самом деле хочется сказать «нет».

* * *

Поездки в частные сыскные агентства заняли у Насти и Захарова целый день. Что-то произошло с московскими магистралями, они были забиты машинами так плотно, что транспортные пробки образовались даже там, где их отродясь не было, и маршрут, который при нормальной ситуации занимал не более сорока минут, удавалось преодолеть не меньше чем за три с половиной часа. Разумеется, закон Мэрфи, который в России обычно именуется законом подлости и который гласит, что, если неприятность может произойти, она обязательно произойдет, так вот, этот самый закон остался верен сам себе и сработал на полную

мощность. Из трех фирм, которые они объехали, нужные люди оказались как раз в последней.

– Да, у нас есть такая клиентка, – осторожно признался руководитель агентства, невысокий плешивый блондин с густыми пшеничными усами и по-детски голубыми глазами.

– Была, – поправила его Настя.

Брови блондина поползли вверх, но выражение удивления на его круглом лице быстро сменилось выражением понимания.

– С ней что-то случилось?

– Она убита. Поэтому я полагаю, что вы дадите нам все необходимые сведения и не будете настаивать на конфиденциальности вашей информации и требовать официальных постановлений. Вы в милиции раньше работали?

– А то, – усмехнулся руководитель. – Иначе разве я взялся бы за частный сыск? Мне бы и в голову не пришло. Правда, когда я там работал, женщин в уголовном розыске не было.

– Вы хотите сказать, что нынешняя милиция – не та, что раньше, и ряды сильно оскудели, раз начали женщин на работу брать?

– Я хотел сказать, что порядки стали более демократичными, – ловко вывернулся блондин. – Так что вас интересует?

– Все, – лучезарно улыбнулась Настя. – Все, что вы можете рассказать о покойной заказчице.

– Ну, тогда – ничего, – столь же лучезарно улыбнулся в ответ руководитель агентства. – Я просто проверил по регистрации, есть ли у нас такая клиентка. А работал с ней другой сотрудник.

– И где его найти?

– А где всех сыщиков ищут? В поле, как ветра. Он же не сидит в конторе целыми днями, а задания выполняет.

– Так, – усмехнулась Настя. – И как мы с вами, уважаемый, будем выходить из положения?

– Вы оставите свой телефон, и он вам сам позвонит, когда сможет.

– А когда он сможет?

– Ну, не знаю, – развел руками блондин. – Когда вернется сюда, наверное. Не раньше.

– Понятно. Значит, недели через две. Пейджер у него есть?

– Нет, – быстро ответил он. Настолько быстро, что стало совершенно очевидным: и пейджинговая связь есть, и сам сотрудник где-то поблизости, может быть, даже в соседней комнате.

Настя понимала ситуацию правильно и была к ней готова. Руководитель частного сыскного агентства должен быть предельно аккуратен, если не хочет лишиться лицензии. Поэтому прежде чем напрямую связывать своего сотрудника с уголовным розыском, он должен сам лично проверить, о какой информации идет речь и нет ли, упаси Бог, какого-нибудь криминала, о котором частному сыщику стало известно, но о котором он, в нарушение закона, не сообщил куда следует. И ежели таковой криминал все-таки имеется, тщательно отсортировать все бумажки с копиями отчетов, первые экземпляры которых представляются заказчику, убрать все, где этот криминал хотя бы просматривается, накрутить хвоста сотруднику за глупость и тщательно проинструктировать его перед встречей с представителями государственной сыскной машины.

Она кинула быстрый взгляд на Захарова.

– Да, Паша, – тут же вступил Дмитрий, – нехорошо получается. Чего-чего, а черной неблагодарности я от тебя никак не ожидал. Твоей конторе сколько лет-то?

– Лет? – рассмеялся блондин Паша. – Это ты хватил. Еще и года не стукнуло, десять месяцев всего.

– Ага. И клиентов небось чертова туча, в очереди стоят.

– Это ты к чему? – насторожился руководитель.

– Да ни к чему, просто так. Твои рекламные объявления на всех столбах в округе висят, я видел, когда подъезжал, и все равно по этой рекламе никто к тебе не идет, верно ведь? Я эти дела знаю. Когда нужен частный сыщик, к первому попавшемуся, по объявлению найденному, никто не пойдет, будут искать через знакомых, чтобы надежно. Вот я и спрашиваю тебя, Пашенька, где бы ты сейчас был, на каком финансовом свете, если бы мы, твои бывшие сослуживцы и добрые знакомые, не посылали бы к тебе клиентов, не рекомендовали им твою фирму. Ну-ка ответь честно. А ведь покойницу Юлию Николаевну именно я к тебе послал.

– Да что ты, Митя, – засуетился блондин, – зря меня упрекаешь. Я же не отказываюсь помочь, я только объясняю, что нужного вам человека сейчас нет на месте. Когда появится – ради Бога, он ваш со всеми потрохами.

– Это хорошо, – удовлетворенно кивнул Захаров. – Ты уж похлопочи, будь любезен, чтобы потроха побыстрее прибыли. Покойница-то у нас с Анастасией непростая, депутат Госдумы как-никак.

– У вас? – переспросил недоверчиво Паша. – А ты-то тут с какого боку?

– Все тебе расскажи. Сначала сам стань разговорчивым, потом будешь мне вопросы задавать. Так как, Пашенька, мы поняли друг друга?

Блондин Паша понял все правильно, и когда Настя вернулась на Петровку, у проходной ее поджидал приятной наружности молодой человек, представившийся сотрудником частного сысканого агентства «Грант».

Было уже совсем поздно, когда она освободилась и пошла к начальнику. Виктор Алексеевич Гордеев был зол и напряжен, и хотя разговаривал по обыкновению спокойно и негромко, глаза его сверкали, а дужка очков, которую он то и дело грыз, грозила вот-вот с треском переломиться.

– Что у тебя? – коротко спросил он.

– Хотела доложить по убийству депутата Готовщиц.

– Давай, – кивнул Гордеев.

– Она тоже увидела, что с мужем что-то не в порядке. После квартирного взлома он стал сам не свой. И Юлия Николаевна наняла частного сыщика, чтобы прояснить ситуацию.

– Вот даже как? Какие у нее были подозрения?

– Этого я не знаю. Точнее сказать, она об этом частному сыщику не говорила. Задание звучало следующим образом: взять под контроль всех людей, с которыми общается Борис Михайлович, и постараться выяснить, не участвует ли муж в криминальном бизнесе. А уж что она думала при этом на самом деле – неизвестно. Может быть, и вправду проверяла именно то, что сказала, а может быть, и что-то другое. Но знаете, что самое интересное?

– Не знаю, – буркнул Колобок. – Говори.

– При оформлении договора ее предупредили, что в соответствии с законом агентство обязано передать материалы в правоохранительные органы, если в ходе выполнения задания клиента будут выявлены признаки уже совершенного либо готовящегося преступления. И Юлия Николаевна с этим полностью согласилась. Единственное условие, которое она поставила, состояло в том, что эти материалы она передаст нам либо сама, либо будет присутствовать при беседе сотрудника агентства «Грант» с работниками милиции.

– Действительно, интересно. Зачем ей это нужно, как ты думаешь?

– Она хотела дистанцироваться от мужа, если вдруг окажется, что он замешан в чем-то нехорошем. Она хотела, чтобы все знали: она была в полном неведении, а когда почуяла неладное, первая забила тревогу и наняла детективов, чтобы выяснить правду. И правду эту она скрывать от широкой общественности не намерена.

– Ишь ты, – фыркнул полковник. – Тоже мне, Павлина Морозова. Получается, за муженьком действительно что-то есть, и он или его подельники, пронюхав об активности Юлии Николаевны, быстренько заткнули ей рот. С Павликом Морозовым тоже что-то вроде этого приключилось, сколько я помню. Ну и как частный сыск, накопал что-нибудь?

– Говорят, что нет. Правда, они совсем немного успели, оттоптали всего двенадцать человек и представили отчеты клиентке.

– Врут?

– А кто их знает. Может, и врут. В душу ведь не заглянешь. Но тут другой вопрос, Виктор Алексеевич. Откуда эти подельники узнали, что Юлия Готовчиц собирает сведения и обратилась в частное агентство? У нас с вами только два варианта, которые по сути являются одним и тем же: либо с ними контактирует кто-то из «Гранта», кто знает, что Готовчиц заключила с агентством договор на выявление связей ее мужа, либо кто-то из заинтересованных лиц все-таки попал под колпак, почувствовал слежку, забеспокоился и стал выяснять, кто и зачем дышит ему в затылок. Но, чтобы это выяснить, надо опять-таки иметь связи с «Грантом». Можно вычислить наружника и, в свою очередь, сесть ему на «хвост». Узнать, что он работает в «Гранте». Но выяснить имя клиента, по чьему заказу ведется слежка, можно только изнутри, из «Гранта», понимаете?

– Чего ж тут не понять, не маленький, – хмуро ответил Гордеев. – Какие еще версии отрабатываются?

– Юра Коротков крутится в парламентских кругах, он вам сам доложит, я его сегодня еще не видела.

– А Лесников чем занимается, хотел бы я знать?

Настя знала, что Игорь Лесников сегодня не занимался почти ничем, потому что все мысли его были о больном ребенке, и начала подыскивать наиболее обтекаемую формулировку, но Виктор Алексеевич не стал ждать ответа, а отошел к окну и замолк, снова сунув в рот дужку очков.

– Надо что-то делать, Настасья, – произнес он наконец. – На нас сильно давят.

– В связи с чем?

– А ты как думаешь? Труп депутата на фоне нераскрытого убийства сотрудников телевидения – это что, по-твоему, наплевать и забыть? Завтра брифинг руководства ГУВД, и журналисты наших с тобой начальников будут с кашками мешать, обвиняя в профессиональной несостоятельности. Мне начальников, как ты сама понимаешь, не больно жалко, но ведь они на нас отыгрываться будут. Нужно иметь хоть какие-то слова в запасе, а их нет как нет. Не хочу тебя ругать, но ведь по телевидению ты совсем ничего не делаешь.

– Я не успеваю, Виктор Алексеевич, – жалобно сказала Настя, в душе признавая его правоту.

– Все не успевают, – жестко ответил полковник. – Но все делают. И ты постарайся. Не ставь меня в трудное положение.

– Почему в трудное? – не поняла она.

– Потому что я вижу, что с тобой стало за то время, пока ты работала под Мельником. И вины своей с себя не снимаю. Конечно, утешаю себя тем, что так надо было для дела, что это было необходимо и целесообразно, но ты за это заплатила слишком дорого. Моя вина в том, что я это допустил и не защитил тебя. Но я не смогу быть к тебе снисходительным слишком долго. Восстанавливайся, приходи в себя и начинай работать как следует. Слышишь меня, Настасья?

– Слышу, – тихо сказала Настя. – Я исправлюсь.

Ей было стыдно. Мучительно стыдно. Колобок прав, она непростительно распустилась, стала вялой, медлительной, ищет любые поводы, только бы ни с кем не общаться, никого не видеть. Может, ей к врачу обратиться? Очевидно же, что нервы у нее после той

эпопеи не в порядке. Врач. По всей вероятности, ей нужен психиатр. Или психоаналитик. В конце концов, почему бы и нет? Совместим приятное с полезным.

– Виктор Алексеевич, разрешите мне поработать с мужем Готовчиц.

Полковник надел очки и внимательно посмотрел на нее.

– Что еще ты задумала?

– Он производит впечатление человека не в себе. Опасается за свое психическое здоровье. Ему кажется, что за ним следят, и он видит в этом признаки надвигающегося безумия.

– И что дальше? Ты полагаешь, что он в припадке этого самого безумия прикончил жену?

– Не совсем так. Душевнобольные обычно не сомневаются в том, что здоровы. Если человек сомневается, значит, почти наверняка он не болен. Но Готовчиц вполне мог убить жену и теперь готовит хорошо аргументированную почву под признание невменяемым. Уж кому-кому, а ему-то прекрасно известно, как нужно симулировать психическое расстройство. И он вполне грамотно начал это делать не при аресте и последующей судебно-психиатрической экспертизе, а с самого начала, с Лесникова и меня.

– А как же частная сыскная фирма? Оставишь на потом?

– Да нет же, это все будет одновременно. Если муж убил Юлию Николаевну именно в связи с тем, что она стала заниматься его второй жизнью, то это же укладывается в одну схему. А если он убил ее совершенно независимо от ее сыщицкой деятельности, то все равно нужно им заниматься. Правда, время, потраченное на агентство «Грант», уйдет впустую, но без этого же не бывает, верно? В любом случае из всего, что мы делаем, процентов девяносто пять не дает результатов.

– Что-то ты больно оживилась, – недовольно пробурчал Гордеев. – То жалуешься, что не успеваешь работать по убийству телевизионщиков, а то собралась одновременно отрабатывать Готовчица и частных сыщиков. Крутишь?

– Никогда, – честно сказала Настя и улыбнулась. – Мне Игорь с самого начала говорил, что Готовчиц ему не нравится, а я как-то значения не придавала. Теперь все больше и больше думаю о том, что мне этот психоаналитик тоже не нравится.

– Нравится – не нравится... Знаешь, как дальше?

– Знаю. «Спи, моя красавица», – процитировала Настя народный фольклор.

– Так, – Гордеев быстро прошелся по кабинету взад-вперед и остановился перед Настей, сидящей за длинным столом для совещаний, нависая над ней округлой глыбой. – Я все понял. Ты придумываешь всякие байки, чтобы не заниматься телевидением. Конечно, копаться в душе у Готовчица намного приятнее, чем искать финансовые махинации в деятельности телекомпании. Не выйдет, дорогая моя. Я тебя нежно и по-отечески люблю, но всему есть предел. Делай со своим психоаналитиком все что хочешь, но чтобы по убийству Андреева и Бондаренко был результат. Поняла?

– Поняла, – вздохнула Настя. – Никуда мне, видно, от этого убийства не деться.

– Это точно, – подтвердил Гордеев. – И не мечтай.

* * *

– Я еще раз возвращаюсь к нашему проекту. Вы уверены, что убийство было необходимо?

– Абсолютно необходимо. С каждым днем я убеждаюсь в этом все больше. Это дало превосходный результат.

– Но это привлекло к нашему объекту внимание милиции. Вы не боитесь?

– Бог мой, кто боится нынешнюю милицию? Это просто смешно. И потом, механизм действия будет в точности таким же: отсутствие логической связи породит смущение и

попытки совершенно невероятных объяснений. Уверяю вас, милиция никогда с этим не справится. Ни при каких, даже самых благоприятных, условиях ни наш объект, ни доблестная российская милиция не смогут связать психически неуравновешенного человека и лежащий рядом с ним труп.

– Интересно вы рассуждаете! Как это не смогут, когда они уже это сделали! Они же его допрашивали, что, впрочем, вполне естественно, поскольку он ближе всех.

– Вот именно, вот именно. Они пытаются найти связь, но они никогда ее не найдут. Или свернут на этом мозги и сойдут с ума, как и наш объект. Они не могут найти то, чего нет. А связи нет. На этом и построена вся комбинация.

– Мне приходится вам верить, но единственно потому, что все предыдущие ваши комбинации были успешными и приводили к результату. То, что вы затеяли на этот раз, вызывает у меня огромные сомнения. Я подчеркиваю – огромные.

– Такие же огромные, как и те деньги, которые мы должны получить в результате осуществления проекта?

– Я ценю ваш юмор и способность шутить даже в критической ситуации. Я пока не вижу поводов для веселья. И еще раз напоминаю вам, что ответственность за провал проекта будет лежать целиком на вас. На вас лично.

– У меня хорошая память, и мне не нужно повторять дважды.

ГЛАВА 4

И снова Настю поразило, что в квартире Готовчица молчит телефон. Неужели ему действительно никто не звонит? Пошел уже третий час, как она сидит здесь – и ни одного звонка.

Она привезла фотографии, целую пачку, среди них были и снимки сотрудников частного сыскного агентства «Грант». Борис Михайлович долго внимательно разглядывал их, потом уверенно отобрал две фотографии.

– Вот эти ходили за мной в последнее время. Остальных здесь нет.

– Что значит «остальных»? – не поняла Настя. – Сколько же их всего было?

– Четверо. А здесь только двое.

– Вы не ошибаетесь, Борис Михайлович?

– Не ошибаюсь, – сухо ответил Готовчиц. – Первое время мне на глаза постоянно попадались совершенно другие люди, и только потом появились вот эти. Почему вы мне не верите? Почему считаете, что я непременно должен ошибаться? У меня прекрасная память на лица. Вы думаете, я сумасшедший, и перепроверяете по десять раз каждое мое слово? Нормальным людям вы верите с первого раза.

– Или вообще не верим, – отпарировала Настя. – Вы напрасно сердитесь. Я не сомневаюсь в том, что вы говорите правду, но в данном случае этого недостаточно. Мне нужна сейчас не правда, а истина.

– Вы видите разницу между этими понятиями? – вздернул брови психоаналитик.

– Огромную. Надо сказать, что ее вижу не только я, но и вся мировая философия. Правда – это то, что вы чувствуете и думаете. Когда вы не лжете, когда говорите искренне – вы говорите правду. Но совсем не обязательно, что эта правда соответствует объективной реальности. Истина – это то, что было на самом деле. Вы этого можете просто не знать или понимать неправильно. Можете добросовестно заблуждаться. Поймите, у меня нет оснований сомневаться в вашей искренности. Но основания сомневаться в вашей безошибочности у меня есть.

Настя, конечно, лгала. Основания сомневаться в искренности мужа убитой Юлии Николаевны у нее были, и еще какие!

– Борис Михайлович, – внезапно спросила она, – почему у вас телефон молчит?

Готовчиц побледнел, пальцы обеих рук переплелись и судорожно сжались.

– Никто не звонит. Что в этом особенного? Вы уже и в этом готовы видеть криминал!

«Чего он так расписховался? – подумала Настя. – Обычный вопрос. Что-то тут нечисто у вас, господин Готовчиц».

– Просто мне нужно позвонить на службу, и я подумала, что, может быть, у вас телефон испорчен. Потому и спросила, – успокаивающе произнесла она. – Так телефон исправен?

– Да.

– И я могу им воспользоваться?

Возникла неловкая пауза, Готовчиц смотрел куда-то в сторону, потом перевел глаза на Настю.

– Вы правы, я его отключил. Если вы хотите позвонить, я включу.

– А зачем отключали?

– Не хочу ни с кем разговаривать.

– Но ведь я утром до вас дозвонилась, телефон был включен, – заметила она.

– Я отключил его перед вашим приходом. Ну что вы так на меня смотрите? – снова взорвался он. – Я нормальный человек и понимаю, что в любую минуту меня может начать искать милиция. Если я не буду подходить к телефону, вы подумаете, что я скрываюсь, и решите еще, чего доброго, что это я убил Юлю или как-то замешан в этом. Но, когда вы

здесь, я могу себе позволить не отвечать на звонки. Вы должны понимать... Мне тяжело. Погибла моя жена. Я не в том состоянии, чтобы общаться с кем бы то ни было. Что в этом предосудительного? В чем вы меня подозреваете?

Он говорил еще какие-то слова, говорил торопливо и возбужденно, повысив голос, и Настя, слушая его, думала: «Нет, Борис Михайлович, дело не в том, что вам тяжело. Дело в том, что вам страшно. Безумно страшно. И чего же вы так боитесь, хотела бы я знать? Человек, жена которого только что трагически погибла, обычно переживает внезапную утрату так сильно, что все остальные эмоции как-то притухают. А у вас, уважаемый Борис Михайлович, все с точностью «до наоборот»: вы так сильно чего-то боитесь, что, похоже, у вас уже нет сил горевать о своей супруге. И после этого вы еще удивляетесь, что я вас подозреваю. Я бы на вашем месте была посдержаннее».

Дождавшись, когда приступ праведного негодования иссякнет и Готовчиц успокоится, она снова открыла большой конверт и разложила снимки на столе.

– Давайте еще разочек посмотрим, может быть, вы кого-нибудь вспомните, кроме тех двоих, – предложила Настя.

Готовчиц поджал губы, но смолчал. Перебрав по одной все фотографии, он отрицательно покачал головой.

– Нет, больше никого не узнаю. Послушайте, вам что, мало этих двоих? Чего вы от меня хотите? У вас есть их фотографии, значит, вы их знаете, знаете имена и адреса. Так пойдите к ним, арестуйте их и спросите, зачем они за мной следили и кто еще в этом участвовал.

Настя вздохнула и принялась аккуратно складывать снимки обратно в конверт.

– Дело в том, Борис Михайлович, что я уже разговаривала с этими людьми. Они подтвердили, что действительно ходили за вами по пятам, но никого другого, кто бы тоже этим занимался, они не знают. Так что мне приходится делать неутешительный вывод о вашей ошибке.

– То есть?

– За вами следили только эти двое. И больше никто. Все остальное вам показалось.

– Нет, не показалось! – Готовчиц снова повысил голос. – Не делайте из меня идиота! Я их отчетливо видел и столь же отчетливо помню. Их фотографий здесь нет, но эти люди были. Вы слышите? Они были! Были! Я пока еще в своем уме!

Он резко вскочил, потом так же быстро опустился на место, словно у него внезапно подкосились ноги. Теперь он смотрел на Настю жалобным и тревожным взглядом, каким порой смотрят собаки, которые не понимают, за что хозяин их побил, но при этом знают твердо: раз побил – значит, провинились, потому что хозяин всегда прав.

– Или нет? – Голос его упал почти до шепота. – Я уже не в своем уме? Я сошел с ума? У меня галлюцинации?

Настя молчала, с любопытством наблюдая за ним. Что это? Хорошо отрепетированный спектакль? Или у психоаналитика и вправду «крыша едет»? Нормальный человек давно уже спросил бы, что же сказали работникам уголовного розыска «те двое», зачем они устроили слежку и вообще кто они такие, а Бориса Михайловича, похоже, больше всего на свете интересуют его собственные страхи и состояние его психического здоровья.

– Кто эти люди? – наконец догадался спросить он. – Что они вам сказали?

– Много интересного, – улыбнулась Настя. – Вы знали о том, что ваш образ жизни чрезвычайно беспокоил вашу жену?

Лицо Готовчица стало землисто-серым, глаза вмиг ввалились еще больше, хотя у него и без того вид был неважный.

– Что вы такое говорите? Какой образ жизни? – забормотал он.

– Ваш образ жизни. Что-то в нем Юлии Николаевне очень не нравилось, и она наняла частных сыщиков, чтобы они за вами последили.

– Этого не может быть!

– Да почему же? Может. Вот фотографии, на которых изображены опознанные вами люди. Вы же их узнали, правда?

Готовчиц молча кивнул, не отрывая от Насти затравленного взгляда.

– Эти люди работают в частном сыскном агентстве, и с этим агентством Юлия Николаевна заключила договор. Она хотела узнать, где вы бываете, с кем общаетесь и что из себя представляют ваши знакомые. И теперь, Борис Михайлович, вы должны мне ответить: откуда у вашей жены появились такие нехорошие мысли на ваш счет? В чем она могла вас подозревать? Что могло ее насторожить?

– Я не знаю!

Он почти выкрикнул эти слова и уставился неподвижным взглядом куда-то в угол комнаты.

– Я вам не верю, – произнес он чуть погодя уже спокойнее. – Вы это выдумали, потому что в чем-то меня подозреваете. Это все ваши приемчики, психологические ловушки и прочая безнравственная ерунда. Вам должно быть стыдно. Я потерял жену, а вы рассказываете о ней гадости и пытаетесь меня на чем-то подловить. Стыдно.

«Так, – удовлетворенно констатировала Настя, – теперь вы уже и про убийство жены вспомнили. Долго же вы собирались с мыслями. Дальше все пойдет по привычной схеме: «Я такой несчастный, а вы ко мне с расспросами лезете». Знаем, проходили через это двести сорок пять раз. Ход безотказный, психологически безошибочный. Тому, кто задает вопросы, действительно становится стыдно. Просто все по-разному с этим стыдом справляются и выходят из ситуации кто как сумеет. Мне проще, у меня вместо сердца камень, а вместо добросердечия – сплошной цинизм. И мне в таких случаях не бывает стыдно. Может быть, немного неловко, но это уж я как-нибудь переживу».

– Я рассказываю вам не гадости, – мягко возразила она, – а то, что было на самом деле. Вот копия договора, заключенного вашей женой с агентством, можете ознакомиться. И смею вас заверить, все это ни в коей мере не порочит Юлию Николаевну. В том, что она сделала, нет ничего плохого или зазорного. Так что ваш упрек я не принимаю.

Готовчиц взял лежащую перед ним на столе копию договора и начал читать. Читал он долго, но Настя видела, что он не пытается затянуть время, просто с трудом вникает в слова и фразы. Ему было трудно сосредоточиться.

– И что все это означает? – спросил он, одолев наконец текст и откладывая бумаги в сторону. – Юлия наняла частных детективов, чтобы они за мной следили?

«Слава Богу! – мысленно вздохнула Настя. – Осознал».

– Совершенно верно, – подтвердила она.

– Зачем? Что она хотела узнать?

– Вот этого я не знаю и очень рассчитываю на то, что вы мне скажете сами. Кто же еще, кроме вас самого, может знать.

– Но я не знаю!

– А я – тем более, – пожала она плечами.

– И давно они за мной следят?

– С момента заключения договора.

– Ах, ну да, конечно, – спохватился Готовчиц и посмотрел на первый лист договора, где была проставлена дата.

Снова возникла пауза, Борис Михайлович что-то обдумывал.

– А те, другие? – вдруг спросил он.

– Какие другие?

– Ну те, которых я видел раньше. Частные детективы ходили за мной по пятам с восемнадцатого апреля, если верить договору. А двоих других я видел много раньше. Значит, это не они?

– Борис Михайлович, в прошлый раз мы с вами говорили о том, что это могли быть те люди, которые сделали попытку обокрасть вашу квартиру. Но теперь я готова отказаться от этой мысли.

– Почему? Вы перестали мне верить?

«Как же, перестала, – прокомментировала про себя Настя. – Я и не начинала, если быть точной».

– Я вам объясню, а вы постарайтесь вникнуть в то, что я говорю. Мы с вами в прошлый раз сошлись на том, что воры, заприметившие вашу квартиру и следившие за вами, чтобы выбрать наиболее подходящее время для кражи, сделали неудачную попытку и, поскольку не успели найти то, что им было нужно, продолжили слежку, чтобы повторить заход. Правильно?

– Да, мы с вами именно так решили, – кивнул Готовщиц.

– Теперь же, когда выяснилось, что после кражи за вами следили не воры, а частные сыщики, нанятые вашей женой...

Она замолчала и стала ждать, как отреагирует ее собеседник. Будет ли пытаться продолжить логическую цепочку сам, или сделает вид, что ничего не понимает и станет ждать, пока Настя озвучит собственные соображения, надеясь на то, что соображения эти для него не опасны. Готовщиц пошел по второму пути, чем еще больше укрепил ее подозрения.

– И что из этого следует? – спросил он.

– Из этого следует, что воры вовсе не собирались предпринимать следующую попытку обчистить вашу квартиру. И этому может быть только два объяснения.

– Какие?

Взгляд его снова стал напряженным и затравленным.

– Первое: они не захотели этого делать, потому что дважды лезть на один и тот же объект глупо и опасно. Объяснение второе: им не нужна была повторная попытка, потому что им вполне хватило первой.

– Как это? Что вы хотите сказать? Почему хватило?

– Потому что они нашли то, что искали.

– Но у меня ничего не пропало! Я вам тысячу раз повторял! Вам и Игорю Валентиновичу. У меня ничего не пропало!

– Вы тысячу раз говорили, а мы тысячу раз слышали. Но от этого ничего не меняется, факты остаются фактами, и их надо как-то объяснять. Давайте попробуем это сделать, и вы, может быть, поймете мои сомнения. Начнем с первого варианта: попытка кражи была неудачной, воры у вас ничего не взяли, но от повторной попытки отказались. Почему?

– Что – почему? Вы же сами только что сказали: дважды лезть в одну и ту же квартиру глупо и опасно. Это ваши слова? Я ничего не путаю?

– Это мои слова, – согласилась Настя. – Я спрашиваю, почему они ничего не взяли. Деньги и ценности вы хранили в легкодоступных местах, найти их никакого труда не составляло. Вы мне скажете, что воры были неопытными?

– Ну, например, – неохотно подтвердил Готовщиц.

– А я вам отвечу, что неопытные воры не будут так тщательно готовиться к краже и предварительно устанавливать режим дня будущих жертв. Если они за вами следили, значит, это люди серьезные, а серьезные люди обязательно нашли бы и деньги, и украшения вашей жены, и ее бумаги, если охотились именно за ними, это совсем несложно. Поэтому если мы хотим, чтобы наша первая версия оказалась правильной, то мы с вами вынуждены будем

признать, что попытка кражи была действительно неудачной, преступники ничего не нашли, но...

– Что? – испуганно проговорил Борис Михайлович.

– Но они за вами и не следили. Переходим ко второй версии. Признаем, что преступники были достаточно предусмотрительными, предварительно следили за вами и, по всей вероятности, за Юлией Николаевной, вломились в вашу квартиру и взяли то, что хотели.

– Они ничего не взяли, – упрямо повторил он. – Я все проверил. Ничего не пропало.

– Борис Михайлович, голубчик, – Настя говорила почти ласково, – поймите же, у нас с вами получается или одно, или другое. Или никто за вами не следил, и вы на этот счет заблуждаетесь, или у вас все-таки что-то пропало, а вы не хотите мне сказать, что именно. Третьего-то не дано. Вместе факт слежки и неудачной попытки кражи никак не соединяются, хоть тресни. Логика нет.

– Я не заблуждаюсь. Я точно уверен, что до кражи за мной следили.

– Тогда давайте признаем, что попытка кражи удалась. Другого выхода у нас нет.

– Он должен быть! – Психолог вновь сорвался на крик. – Должен быть этот выход! Я знаю, что за мной следили и что у меня ничего не пропало! Ищите, думайте, вы же милиция в конце концов!

– Борис Михайлович, будьте справедливы. Да, мы – милиция, но потерпевший-то – вы, и все, что мы знаем, мы знаем только с ваших слов. Вы меня уверяете, что за вами следили до кражи, и вы же меня уверяете, что у вас ничего не украли. Мне приходится опираться на то, что вы говорите, но у меня не получается связной картинкой. И мне приходится думать, что либо вы ошибаетесь в части слежки за вами, либо говорите неправду в том, что касается кражи. Из того, что вы мне сказали, связной и последовательной картины не вытекает. Если вы можете дать мне объяснение, которое связало бы воедино оба этих факта, я готова его принять и сделать все возможное, чтобы его проверить. У вас есть такое объяснение?

– У меня? Нет. Я ничего не понимаю. Но я точно знаю, что говорю правду. Вы должны мне верить.

«Должна верить, – повторила про себя Настя. – Какой заезженный оборот. Почему кто-то должен кому-то верить? Человек должен заботиться о тех, кто находится на его иждивении, он должен держать слово, должен возвращать долги. Это все понятно. Но верить? Никто никому не должен. А между тем это одна из самых распространенных и часто употребляемых фраз в нашей жизни. Вероятно, это что-то вроде магического заклинания. Ты должен мне верить, и все тут, и никаких объяснений не требуется. Человек подпадает под магию слов и начинает думать, что действительно должен верить».

* * *

Длинный разговор с Борисом Михайловичем совершенно вымотал ее. Настя не терпела отсутствия логики и ужасно уставала, если приходилось долго объяснять кому-нибудь на пальцах, почему ее не устраивает то или иное толкование фактов. Во всем должна быть связь, во всем должен быть смысл. Пусть необычный, непривычный, нетрадиционный, пусть совсем особенный смысл, но он должен быть. И когда он не просматривается, приходится либо искать искажение фактов, иными словами – ложь, либо винить себя за тупость.

Еще вчера, придя с работы, она твердо решила начать уже наконец что-нибудь делать по убийству Андреева и Бондаренко. Нельзя сказать, что по этому преступлению не делалось вообще ничего, нет, конечно. Миша Доценко добросовестно копался в финансовых делах телекомпании, торчал день и ночь то в Останкине, то в здании непонятного назначения, расположенном где-то в районе проспекта Мира, в котором «Лицо без грима» арендовало несколько помещений, в том числе съемочный павильон. Одновременно другой сотрудник,

Коля Селуянов, отрабатывал связи погибших, дабы попытаться выяснить, какой коммерческой деятельностью (помимо основной, в телепрограмме) они еще занимались и не могла ли эта деятельность стать причиной их убийства. Еще один сотрудник, Юра Коротков, изучал данные на владельцев всех белых «Жигулей» седьмой модели, оставивших в тот день свои автомобили возле Останкинского телецентра. Он проверял вполне возможную версию о банальной ошибке: взрывное устройство просто подложили не в ту машину. Казалось бы, все необходимое по делу о взрыве автомашины директора программы Виктора Андреева делалось и без Насти, но ей не давал покоя Уланов. То, что он изменился – это понятно и объяснимо. Но он изменился явно «не в ту» сторону. И изменилась сама программа «Лицо без грима».

А вчера, едва переступив порог, она услышала возбужденный голос мужа:

– Аська, как жаль, что тебя дома не было! Тут такой цирк по телевизору был – с ума сойти. Но я вовремя спохватился и успел записать вторую половину.

Ей было совершенно не интересно, что там был за цирк по телевизору, ей не хотелось разговаривать с Алексеем, ей не хотелось вообще ничего. Но она понимала, что так вести себя нельзя, надо взять себя в руки и быть приличной. Поэтому вежливо спросила:

– Что там случилось?

– Ты не представляешь! Есть одна программа, называется «Лицо без грима». Ты наверняка ее не знаешь, она идет в такое время, когда тебя дома не бывает.

– Я знаю эту программу, – перебила его Настя, сразу насторожившись. – Что там случилось?

– Знаешь? – Алексей подозрительно посмотрел на жену. – Откуда? Ты что, на работе телек смотришь, вместо того, чтобы кровавых маньяков отлавливать?

– Лешенька, все объяснения потом. Что с программой? Кстати, я и не подозревала, что ты ее смотришь.

– Всегда, – заявил Чистяков. – Когда не занят – смотрю обязательно.

– Зачем? Она же не скандальная.

– Ну и что? Я на ней душой отдыхал. Смотрел и думал: надо же, в нашей поганой, склочной жизни осталось еще что-то доброе и порядочное. А в последнее время, между прочим, программа стала совсем другой. Так вот, сегодня господин Уланов особенно отличился. У него в гостях был целитель, в прошлом очень известный и безумно популярный, а в последние годы как-то подзабытый. Видно, решил напомнить о себе широким слоям населения и пробился в передачу. Уланов его уделал, как Бог черепаху. Ася, это надо было видеть и слышать! Хочешь посмотреть то, что я успел записать?

– Хочу.

– Тогда сначала ужинать, потом посмотрим вместе. Я тоже удовольствие получу.

– Нет, – решительно сказала Настя, – сначала посмотрим.

Алексей удивленно взглянул на нее.

– Откуда такой острый интерес? Там что, криминал какой-нибудь?

– Еще какой. Там два трупа, директор программы и корреспондент. Так что давай сначала смотреть. Мне сегодня интересно все, что касается этой программы.

– Но я есть хочу! – возмутился Леша. – Я не ужинал, тебя ждал, как дурак.

– Прости, солнышко.

Настя примирительно улыбнулась и потерлась щекой о плечо мужа.

– Давай все-таки сначала посмотрим, а потом за ужином обсудим.

Перспектива обсуждения примирила Лешу с необходимостью терпеть голод еще некоторое время, и он послушно включил видеомagneтофон. Пока пленка перематывалась, Настя с ужасом подумала о том, что, кажется, начала манипулировать Чистяковым. Она так редко обсуждает с ним служебные проблемы, а в последние недели вообще почти не разговаривает

ни о чем, и Лешка ради получасовой беседы с ней готов на любые жертвы. Какая мерзость! Она знала, что многие женщины точно таким же образом используют секс, допуская мужей до тела исключительно в виде награды за хорошее поведение и отказывая им в близости, если хотят наказать за что-нибудь. Ей самой это всегда казалось отвратительным и глупым, а вот поди ж ты, и сама стала так поступать. Чтобы задобрить Лешку, пообещала что-то с ним обсудить. Дрянь она бессердечная, вот что! Прав Колобок-Гордеев, она непростительно распустилась.

На экране появилось лицо Уланова, задававшего очередной вопрос собеседнику, которого Настя сразу узнала и вспомнила. Да, действительно, когда-то он гремел на всю страну, собирал на своих «концертах» многотысячные аудитории, хвастался сотнями исцеленных больных и обещал почти стопроцентное здоровье всем, кто «будет его слушаться». С первых же двух минут она поняла, что происходило в студии. Каждый играл в свою игру. Целитель хотел говорить только о целительстве и своих успехах на этом поприще, Уланов же, следуя традициям программы «Лицо без грима», старался показать телезрителям, что из себя представляет его гость в общечеловеческом, так сказать, плане, насколько он умен и образован, какие у него вкусы и пристрастия, какой характер и привычки. Он никак не помогал своему визави развивать интересные для того темы и при малейшей возможности переводил разговор на другое и задавал вопросы, отвечая на которые, целитель выглядел далеко не лучшим образом. Оказывается, книги он читал в основном в детстве и юности, любимых писателей у него нет, предпочтений в музыке и театре тоже как-то не наблюдалось. Ни занятного хобби, ни интересного досуга. Правда, как говорил гость, у него просто нет свободного времени на то, чтобы читать и ходить в театры, он всего себя посвящает больным и страждущим, но тонкие и злые реплики ведущего сразу наводили телезрителя на мысль о том, можно ли отдавать свое здоровье в руки человека необразованного и не имеющего хотя бы основ собственного мировоззрения. Одним словом, из бывшего всенародного любимца Александр Уланов публично сделал безграмотного шарлатана. Было видно, что ведущий хорошо подготовился к эфиру. Он задавал много вопросов об отношении целителя к различным научным и псевдонаучным школам, в том числе и зарубежным, но в ответ звучали только расплывчатые рассуждения о карме, космической энергии и духе. Становилось ясным, что гость не читает не только художественную, но и специальную литературу и практически ничего не смыслит ни в медицине, ни в биологии, ни в химии. Гость, однако, ничего этого не замечал, был чрезвычайно доволен собой, и на лице его то и дело расплывалась торжествующая улыбка.

Зрелище было и в самом деле прелюбопытное, но Насте гораздо интереснее было наблюдать за Улановым, нежели за глуповатым целителем. Сегодня он еще меньше походил на того Уланова, которого она видела в передачах, отснятых заранее и прошедших в записи. Более того, он не был похож и на самого себя, каким выглядел тогда, когда впервые вел программу в прямом эфире. В тот раз он был равнодушным и холодно отстраненным, наблюдая как бы свысока за попытками кинопродюсера выглядеть поприличнее. А сегодня в нем словно проснулась яростная решимость уничтожить собеседника, втоптать в грязь, показать всем его глупость и примитивность. «С ума сошел! – ахнула про себя Настя. – Если он будет так себя вести, программа умрет моментально, потому что не найдется больше желающих проходить публично такую экзекуцию. И как ему это позволяют?»

– Ну, что скажешь? – весело спросил Чистяков, когда пленка закончилась. – Красивое зрелище?

– Красивое, – согласилась она. – Только опасное и бессмысленное.

– Почему? У нас теперь демократия, средствам массовой информации можно все. Пошли на кухню, у меня сейчас обморок будет от голода.

Они быстро разогрели еду и несколько минут с аппетитом поглощали цветную капусту в полном молчании.

– Леш, ты мне рассказывал, помнится, что в Штатах тебя несколько раз приглашали на телевидение.

– Было, – кивнул он.

– Запись или прямой эфир?

– И так и эдак. А что тебя интересует?

– Поведение ведущего. Я хочу понять, есть ли разница в его поведении при записи и прямом эфире.

– Асенька, поведение ведущего зависит не от этого, а от гостя и от установки. Ну и от концепции программы, естественно. Если программа в целом скандальная, разоблачительная, то ведущий всегда вкрадчиво-агрессивен, он же должен сделать из своего гостя отрицательного героя, поэтому задает вопросы быстро, не давая времени собраться с мыслями, ловит на слове, перебивает и переиначивает все сказанное собеседником и так далее. И в этом смысле для него никакого значения не имеет, запись это или прямой эфир. Он при любом варианте будет вести себя именно так.

– А с тобой как было?

– Вот примерно так и было. Все ведущие хотели сделать из меня чудаковатого гения, которого не оценили и не признали в России, но у которого не хватает душевных сил сделать резкий шаг и порвать с ненавистной родиной, перебравшись в прекрасную страну всеобщего благоденствия. Как только я начинал говорить о том, что в России я давно признан, получил звание академика, имею собственную научную школу, возглавляю огромную лабораторию, они будто не слышали этого, тут же перебывали меня и спрашивали, сколько лет мне нужно корячиться в России, чтобы заработать столько, сколько мне в Штатах платят за одну двухчасовую лекцию. Противно, ей-Богу.

– Зачем же ты соглашался участвовать в передаче? Ну ладно, в первый раз ты не знал, как дело пойдет, но потом-то мог и отказаться. Разве нет?

– В принципе мог. Но не стал.

– Почему?

– Во-первых, каждый раз надеялся, что все будет иначе, что с прошлым ведущим мне просто не повезло, а теперь разговор пойдет по-другому.

– А во-вторых?

– А во-вторых, руководство университета, пригласившее меня читать лекции, было заинтересовано в этих передачах, и мне недвусмысленно дали это понять. У них тоже какая-то там конкуренция между собой, и им важно, чтобы другие университеты знали, что я читаю лекции именно у них. А своим работодателям я отказать не мог. Теперь ответь мне, с чего такой интерес к телевизионным интервью?

Настя убрала тарелки в раковину, поставила на стол чашки, сахар, большую плоскую тарелку с печеньем, коробку апельсинового чая в пакетиках. Она молчала, пытаясь сосредоточиться и сформулировать свои смутные ощущения в более или менее связную фразу, но получалось у нее плохо.

– Понимаешь, Лешик, меня беспокоит Уланов. Передача стала совсем другой, потому что сильно изменился ведущий. И я не могу понять, в чем тут дело. То ли у него психологический шок от внезапной гибели двух сотрудников, то ли он к их убийству причастен лично.

– Асенька, ты забываешь о третьем варианте, который на самом деле первый, потому что главный. Деньги. Возможно, у Уланова и руководителей программы были разные взгляды, а теперь у него появилась возможность делать так, как он хочет. И зарабатывать на этом деньги.

– Поясни! – потребовала Настя, мгновенно забыв про остывающий чай.

– Ты не смотришь программу, поэтому не обращаешь внимания на рекламные блоки вокруг нее. А я могу совершенно точно тебе сказать, что в последние несколько дней эти

блоки заметно расширились. Если раньше это было меньше минуты до начала программы и примерно полминуты после ее окончания, то теперь первый блок идет около двух с половиной минут. Тебе это о чем-нибудь говорит?

– Ничего себе, – протянула она. – Значит, народ среагировал на разоблачительный тон передачи.

– Еще как среагировал, – подхватил Алексей. – Ты привыкла мерить все московскими мерками, поэтому тебе кажется, что «Лицо без грима» никто не смотрит, кроме пенсионеров и домохозяек. Ты исходишь из того, что основная масса работающих людей до шести часов находится на службе, потом до семи – в дороге, но это верно только для Москвы и Питера. А в других местах дорога занимает вовсе не так много времени, и рабочий день далеко не у всех с девяти до шести, огромное количество народу работает в другом режиме, так что на периферии программу смотрят. Да что там говорить, у нас в Жуковском она очень популярна, а это ведь почти Москва. У меня в институте каждый день только и разговоров об Уланове и его очередном госте. Пересказывают удачные реплики, хохочут, восхищаются. Смотреть Уланова стали даже те, кто раньше и не слышал о программе. И рекламодатели моментально усекли, что количество телезрителей у передачи резко выросло. Вот и результат. Размещением рекламы занимается специальная служба телеканала, и, естественно, они должны «отстегивать» какую-то сумму Уланову и его группе как авторам и производителям популярной передачи.

– Но ведь к нему на эфир никто не придет, если он будет так себя вести. Побоятся.

– Да Бог с тобой, – расхохотался Леша. – Ты же сама мне тысячу раз рассказывала, почему преступность невозможно победить. Потому что каждый преступник прекрасно знает, что то, что он делает, неправильно, но уверен или по крайней мере надеется, что его не поймают. И здесь то же самое в точности. Человек может знать, как Уланов обращается с гостями программы, но при этом быть уверенным, что уж с ним-то ничего подобного не случится, он окажется умнее и самого ведущего, и всех его прежних гостей. Они же абсолютные ничтожества, умом недалекие, талантами обделенные, а он – ого-го! Он им всем покажет. И нам, телезрителям, тоже. Обычный ход мышления, уверяю тебя.

– Значит, ты полагаешь, что раньше программа зарабатывала деньги каким-то другим путем? – задумчиво спросила Настя. И тут же ответила сама себе: – Да, по-видимому, именно так оно и было. При Андрееве и Бондаренко у них был другой источник существования, а теперь с их гибелью этот источник тоже приказал долго жить, и Уланов, чтобы продержаться на плаву, вынужден пойти по банальному, изъезженному пути, по пути скандальности и «желтизны». Что ж, он своего добился, спрос на рекламное время вокруг передачи заметно возрос. Леша, а Леш?

– Что?

– И почему людям так нравится читать и слушать о том, что другие люди – преступники, взяточники, коррупционеры, что они порочны или даже просто глупы? Никогда не могла этого понять. А ведь за счет этого патологического интереса процветает огромное число средств массовой информации. Печатают какие-то немыслимые байки про кровавых убийц, людоедов, серийных насильников, инопланетян, предсказателей – и ведь народ с упоением это глотает. Самые высокие тиражи у тех изданий, которые на каждой странице кого-нибудь обвиняют во взятках и злоупотреблениях. Я не спорю, писать об этом надо, но почему читать об этом любят больше всего? Вот чего я не понимаю.

– И не поймешь, – засмеялся муж. – У тебя менталитет не тот. Пей чай, он уже совсем холодный. Про страсть к скандалам мы с тобой поговорим в другой раз.

– Почему не сейчас?

– Потому что поздно уже, спать пора.

– Ну Леша, – жалобно протянула Настя.

Ей хотелось еще поговорить с ним, впервые за последнее время разговор не тяготил ее, и не просто не тяготил – был интересен. Ей казалось, что в голове стало немного проясняться, начали проступать контуры будущих рассуждений и логических построений. Какая она дура! Ведь всегда разговоры с Лешкой помогали ей думать, что-то вспоминать, строить новые догадки. Как же она могла об этом забыть?

– Не «ну Леша», а спать, – строго ответил Чистяков. – Ты на часы посмотри, прежде чем ныть. Не знаю как тебе, а мне завтра вставать в половине пятого. Точнее, не завтра, а уже сегодня.

– Зачем так рано? – испугалась Настя. – Случилось что-нибудь?

– Прилетает известное светило математики из Нидерландов, и мне как представителю принимающей стороны нужно прогнаться и лично встретить его в Шереметьеве. Кстати, Ася, напоминаю тебе, что профессор этот прилетает на конференцию, а не просто так водочки попить.

– И что это означает?

– Это означает, что конференция начинается, она будет проходить в пансионате под Москвой, и меня неделю здесь не будет. Так что, возвращаясь с работы, на горячий ужин не рассчитывай.

– Это ужасно, – пошутила Настя, неловко пытаясь справиться с охватившей ее радостью. – Я умру с голодухи, и тебе придется потратиться на мои похороны.

– Не умрешь. Тебя положительные эмоции поддержат. Я же вижу, как ты раздражаешься от моего присутствия. Вот и отдохнешь от меня недельку.

Краска бросилась ей в лицо. Двадцать два года. Они вместе уже двадцать два года, с пятнадцати лет, с девятого класса, а в этом году им исполнится по тридцать семь. Вернее, Лешке уже исполнилось, у нее самой день рождения через два месяца. За двадцать два года Чистяков научился читать ее мысли абсолютно безошибочно. Зачем она его обижает? Ведь Лешка ни в чем не виноват. И никто не виноват, кроме нее самой.

– Леша... – начала она, понимая, что нужно немедленно найти какие-то слова, чтобы снять напряжение.

– Спать, Ася, спать. Поговорим через неделю, – сказал Чистяков устало.

Только сейчас Настя заметила, какое измученное у него лицо. Он терзается подозрениями и неизвестностью уже столько дней, пытается выяснить, что произошло, а она отмахивается, уходит от объяснений, молчит, а если и говорит что-то, то это необязательные, общие фразы, которые не могут ни успокоить подозрения, ни умерить тревогу, ни смягчить душевную боль.

Но все это было вчера. Она легла спать с тяжелым сердцем, чувствуя вину перед мужем, но не смогла перебороть себя и объяснить ему наконец, что произошло за то время, пока его не было. Не смогла, и все тут. А утром встала с твердой решимостью заняться вплотную Александром Юрьевичем Улановым и теми людьми, которых приглашали в передачу «Лицо без грима». Поэтому завершив визит к психоаналитику Готовчицу, она села в пригородную электричку и отправилась к кинопродюсеру, которому не повезло первым оказаться в прямом эфире с непредсказуемым Улановым.

ГЛАВА 5

Кинопродюсер по фамилии Дорогань жил в Подмоскowie, по странному стечению обстоятельств как раз в том городе, где проходила конференция, на которой целую неделю собирался присутствовать профессор Чистяков. Настя пожалела, что не спланировала визит к нему на первую половину дня: можно было бы попроситься к Лешке в машину, все равно ведь зарубежное математическое светило сюда везти. Но адрес и телефон продюсера ей дали только в середине дня, когда она уходила от Готовчица. Поэтому добираться пришлось на электричке, потом ехать на автобусе.

Дорогань в жизни мало напоминал того потеющего растерянного человека, каким он предстал на экране телевизора. Это был веселый толстый дядька с густыми курчавыми волосами и рокоchущим басом, который ни секунды не мог усидеть на одном месте и постоянно носился по огромной комнате взад-вперед, как механический веник. Энергия была из него ключом, как, впрочем, и забавные прибаутки, которыми он перемежал свою речь.

К Настиному приходу он был готов, сам же назначил ей время и объяснил, как добираться.

– Догадываюсь, по какому поводу вы пожаловали, – радостно заявил он, едва открыв дверь. – Проходите, снимайте курточку... Помните этот блестящий фильм? «Адъютант его превосходительства».

– А в Дарницу я больше не пойду, ни в курточке, ни без курточки, – улыбаясь, процитировала в ответ Настя, которая тоже любила этот фильм.

– О, я вижу, вы знаете киноклассику. Тем лучше, – обрадовался Дорогань. – Сюда, пожалуйста, проходите, сейчас мы с вами кофейку выпьем. Или вы предпочитаете что-нибудь покрепче?

– Нет, кофе – это было бы замечательно.

– Отлично, отлично, я почему-то так и думал, что вы пьете именно кофе. Много кофе. Я угадал?

– Угадали, – удивленно ответила она. – А еще что-нибудь угадайте.

– Анастасия Павловна, я не волшебник...

– Вы только учитесь? – подала Настя реплику из «Золушки».

– Ага. Я – кинопродюсер, сделавший два десятка детективов. Вам это о чем-нибудь говорит?

– Только о том, что о сыщиках вы знаете все.

– Правильно. Когда-то в прошлом я был кинодраматургом и сам, вот этой самой головой, – он картинно схватился за волосы и стал тянуть кудри в разные стороны, – придумывал образы доблестных стражей порядка. Они у меня все поголовно пили много кофе и не выпускали сигарету из рта. Правда, среди моих героев никогда не было женщин.

Дорогань усадил Настю в просторной гостиной и отправился на кухню варить кофе, не прерывая своего монолога. Справедливости ради надо заметить, что голос при этом ему повышать почти не приходилось, поскольку двери между гостиной и кухней не было, пространство через широкий арочный проем плавно перетекало из одного помещения в другое.

– Так вот, мне всегда говорили, что мои сыщики в разных фильмах похожи друг на друга, как родные братья, а я отвечал, что именно так вижу. Знаете эту присказку из мира творческой интеллигенции? «Я так вижу!» И спорить с этим бесполезно. Потом-то, когда я перестал писать сценарии и занялся производством фильмов, мне пришлось сталкиваться с работниками милиции куда чаще, чем раньше, и я увидел, что далеко не все пьют кофе, некоторые его вообще терпеть не могут, и некурящих среди них почти половина, но все равно держался обеими руками за придуманный когда-то образ. Не поверите, но я радуюсь, как

ребенок, когда вижу сыщика, похожего на того, которого я когда-то придумал. Ну сделайте мне приятное, скажите, что вы курите, и я буду совершенно счастлив.

– Скажу, – громко ответила Настя, – если пепельницу дадите. Дорогань высунулся из кухни и театрально взмахнул рукой.

– Я вас совсем не знаю, но я вас уже обожаю. Пепельницы стоят на подоконнике, берите любую. Кофе сейчас будет.

Через несколько минут он принес в комнату поднос с туркой и двумя маленькими керамическими чашечками.

– Прошу вас. Так о чем мы будем говорить, Анастасия Павловна?

– Вы же сказали, что догадываетесь, по какому поводу я к вам пришла.

Настя осторожно налила себе кофе, боясь капнуть на гладкую поверхность деревянного столика. С наливанием жидкостей у нее всегда были проблемы, и в гостях она панически боялась испортить чужую мебель или испачкать скатерть.

– А я пытаюсь усилить драматургию сцены. Вот мы с вами сейчас начнем препираться, выясняя, о чем я догадывался и что имели в виду вы, будем ставить друг другу психологические ловушки – все по законам жанра. Иначе получается пресно и скучно.

Она с любопытством взглянула на продюсера. Дорогань ей неожиданно понравился своей открытостью и непосредственностью, хотя обычно ребячливые взрослые люди ее раздражали.

– Нет, Всеволод Семенович, драматургию сцены мы с вами выстраивать не будем. Я хочу, чтобы вы рассказали мне об Уланове.

– А что, вы его подозреваете в убийстве?

На лице продюсера было написано такое неподдельное изумление, что Настя не выдержала и рассмеялась.

– В каком убийстве?

– В убийстве его сотрудников. У него же погибли два сотрудника, директор программы и, кажется, корреспондент. По телевизору сообщали, я слышал.

– А разве вы можете что-нибудь рассказать по этому поводу?

– Вообще-то нет.

– Ну вот видите. Поэтому расскажите лучше мне об Уланове. Как вы с ним познакомились, как попали в программу, как он себя вел, как выглядел, какое впечатление произвел на вас.

– Погодите, погодите, – Дорогань наморщил лоб и смешно засопел, – а какое это имеет отношение к убийству, если вы его не подозреваете?

– Всеволод Семенович, вы нарушаете законы жанра, – мягко заметила Настя.

– А, ну да, верно, вопросы задаете вы, а мы, простые смертные, на них только отвечаем. Нет, все-таки признайтесь, ведь вам намного легче разговаривать с человеком, который знает законы жанра, правда?

– Легче, – согласилась Настя, – но только в том случае, если этот человек их не нарушает.

– Ух, какая вы! Ладно. Значит, так. В программу меня пригласили в связи со съемками российско-финского фильма о международной мафии. Мне позвонил Витя Андреев, представился директором программы «Лицо без грима», сказал, что они хотели бы сделать материал со мной. Я, естественно, согласился.

– Почему «естественно»?

– Ну а как же! Картине нужна реклама. Мы снимаем на шестнадцатимиллиметровой пленке... Вы понимаете, что это означает?

– Нет. А что это означает?

– Это означает, что картина никогда не будет показана на большом экране. Для кинопроката она не годится, там нужна пленка в тридцать пять миллиметров. Телевидение к нашему проекту тоже интереса пока не проявляет, так что реализация пойдет только через видеопрокат. Спрос на кассету нужно готовить заранее, иначе мы прогорим. Короче, я согласился, и Андреев сказал, что ко мне подъедет корреспондент Оксана Бондаренко.

– И когда это произошло?

– Когда произошло... – Дорогань задумчиво поднес к губам чашечку, сделал аккуратный глоток. – Давно, знаете ли, где-то в начале марта. Оксана приехала и очень долго со мной разговаривала.

– О чем?

– Да обо всем! Когда родился, когда крестился, когда женился, где учился, какие отметки получал... Все в таком духе. Я еще пошутил, помню, что она как будто мою биографию в трех томах писать собирается. Расспрашивала о любимых книгах и фильмах, о друзьях, о том, какие газеты читаю, что думаю о политической ситуации. Часа три у меня съела. Потом попросила подобрать фотографии разных периодов жизни и взяла у меня кассеты с несколькими фильмами, которые я сделал за последние годы. Договорились, что она их внимательно посмотрит, потом посмотрит ведущий, а потом мы еще раз встретимся, поговорим уже более предметно о моей кинопродукции и сделаем подсьемку.

– А дальше что было?

– А дальше она снова позвонила уже в конце марта и попросила разрешения приехать вместе с оператором. Они приехали, сняли фотографии, которые я им отобрал, снимали меня дома, в гараже, возле машины, с сыном и женой. Еще часа три разговаривали о моих фильмах, о проблемах кинопроизводства, о конфликтах со съемочными группами, короче, обо всей киношной кухне. Оксана все очень подробно записывала, делала много уточнений, одним словом, произвела на меня впечатление человека серьезного и основательного.

Настя все ждала, когда дело дойдет до Уланова, но, к ее удивлению, пока в рассказе кинопродюсера фигурировала только корреспондент Бондаренко.

– Когда мы закончили, – продолжал Дорогань, – Оксана сказала, что подготовит материал для ведущего и меня пригласят на съемку в ближайшие дни. Однако время шло, меня никто никуда не приглашал, и вдруг позвонили и сказали, что я должен быть в Останкине, потому что передача пойдет в прямом эфире. Я, конечно, слегка напрягся, но поехал. Вот там я и увидел Уланова. В первый и в последний раз.

– И как он вам показался?

– Да никак! – раздраженно взмахнул руками Всеволод Семенович. – Такое впечатление, что Оксана Бондаренко была сама по себе, а Уланов – сам по себе. Никак в толк не возьму, зачем я тратил на эту девицу столько времени, если ведущий не использовал вообще ничего из того, что она должна была подготовить. Задавал какие-то вопросы, к ответам на которые я совершенно не был готов. Вы сами-то видели передачу?

– Видела, – кивнула Настя.

– И как она вам?

– Честно?

– Нечестно мне не надо, нечестно я и сам знаю.

– Мне не понравилось.

– Вот видите! И мне не понравилось. И всей киностудии, с которой я сейчас работаю. Конечно, главный эффект был достигнут, название нового фильма прозвучало по крайней мере пятнадцать раз, и с точки зрения рекламы можно считать, что цель полностью достигнута. Но я-то, я-то каким уродом выглядел! Чтобы выставить меня таким кретином, не нужно было дважды присылать ко мне Оксану, тратить пленку на домашние съемки и так далее.

Тренькнул дверной звонок, Дорогань вздрогнул и поднялся.

– Прошу прощения, я сейчас.

Щелкнул замок, и из прихожей донесся звонкий капризный голосок.

– Папусик! Ты что, прячешься? Мне сказали, что ты дома и сегодня на студию не приедешь. Кто там у тебя? Целяева?

– Успокойся, детка, у меня деловой разговор.

– Я знаю, это Целяева. Ты же мне обещал! Папусик!

– Так, – голос продюсера внезапно вновь обрел зычность и твердость, хотя еще минуту назад он разговаривал с Настей спокойно и вполголоса. – Или ты отправляешься обратно, или сидишь в комнате и делаешь вид, что читаешь книжку. Ты, конечно, букв не знаешь, но вид сделать можешь, ты же актриса, а не доярка. Вопросы есть?

– Дай слово, что это не Целяева! – Женский голос перешел на визг.

– Детка, я дважды одно и то же не повторяю. Или ты сидишь тихо, или уматываешь отсюда. На эту роль актрис навалом, ты не первая и не последняя, кто хочет ее получить, но выбирать буду я лично. И то только после рекомендации режиссера. И отчитываться перед вами, кого и почему я выбрал, я не буду ни при каких обстоятельствах.

– Значит, у тебя Целяева, – в голосе гостьи явственно зазвучали слезы. – Ты решил взять ее на эту роль, да?

– Все, мое терпение кончилось.

Дорогань щелкнул замком, скрипнула открывающаяся дверь.

– Три шага в направлении лестницы, быстро. И не имей привычки приходить без звонка, не в деревне живешь, телефоны на каждом углу есть. Все, красавица, привет и нежный поцелуй.

Он с грохотом захлопнул дверь и вернулся в гостиную. Лицо его было абсолютно спокойным, словно и не скандалил только что, а разговаривал с соседкой, пришедшей за солью или спичками.

– Еще раз прошу прощения. На чем я остановился?

– Всеволод Семенович, а вы круто обходитесь с людьми, – заметила Настя.

Он допил кофе, чуть отодвинул кресло от низкого столика и с громким вздохом вытянул ноги.

– Я вынужден. Поверьте мне, я по натуре человек мягкий и незлобивый. Но я не имею права позволять себя шантажировать.

– Кто же вас шантажирует? Эта дама?

– Все!

Он вскочил с кресла и принялся рассказывать из угла в угол, оживленно жестикулируя.

– Эта девочка считает, что если три года назад я по пьянке с ней переспал, то теперь она имеет право врываться ко мне в квартиру и требовать отчета. Заметьте себе, речь не идет о каких бы то ни было отношениях между нами, тот эпизод был случайным и для меня, и для нее и больше не повторялся. У нее за три года в постели перебивала чертова уйма мужиков, но она тем не менее полагает, что может рассчитывать на мою благосклонность при подборе актеров для нового фильма. Вы думаете, она одна такая? Я не хочу сказать, что злоупотребляю случайными связями, но ведь и мужики начинают чувствовать себя вправе претендовать на что-то после совместно выпитой рюмки или после парной.

– Все равно это жестоко, – сказала Настя. – Почему вы не объяснили ей, что у вас в гостях не конкурентка Целяева, а сотрудник милиции? Она бы сразу успокоилась. А теперь переживать будет.

– Вот!

Дорогань на секунду остановился и вперил в нее вытянутый указательный палец.

– Вот это я и называю шантажом. Актрисуля позволяет себе врываться в мой дом без приглашения и требовать от меня отчета, а я в ответ вынужден оправдываться. Нет, нет и

нет! Если она что-то там в своей глупой голове придумала, то это ее проблемы, исключительно ее, и я никогда не позволю сделать эти проблемы моими. Я принимаю в своем доме кого считаю нужным, и никто не вправе мне указывать. Позволить им хотя бы один раз – и конец! Я уже никогда не отобьюсь, я буду вынужден всю оставшуюся жизнь объясняться с друзьями и приятелями, почему я взял этого режиссера, а не другого, этого сценариста, этого актера. А я не могу и не хочу ничего объяснять и ни перед кем оправдываться. Я – производитель, вы понимаете? Мое дело – сделать кино, прокат которого позволит вернуть вложенные деньги и получить хоть какую-то прибыль. И только я знаю, кого на эту работу приглашать, чтобы вернуть затраты. Только я, а вовсе не те актеры, которые хотят сниматься. Представьте себе директора металлургического комбината, к которому приходит приятель и говорит: давай будем лить металл из моей руды, ну и что, что она некачественная и не соответствует стандартам, ну и что, что этот металл у тебя потом никто не купит, ну и что, что станки, сделанные из этого металла, через неделю развалятся, да наплевать на все это, мы же с тобой столько водки выпили вместе, столько девок перетрахаили, так купи у меня руду, а то мне рабочим зарплату платить нечем. И я точно в таком же положении. Никто и никогда не будет мне указывать, как и с кем делать кино.

Он замолчал, выдержал паузу и расхохотался. Лицо его снова стало мягким и веселым.

– Каков я, а? Фантомас разбушевался.

– Ну, в данном случае правильнее было бы сказать: Фантомас против Скотленд-Ярда, поскольку я все-таки из милиции.

– О! Умница! Я сразу почувствовал в вас киношную душу. Ну все, я выпустил пар, можно заняться делом. На чем мы остановились?

– На том, что передача вам не понравилась и вы не поняли, зачем нужна была работа корреспондента.

– Да-да, именно так. Собственно говоря, больше мне и рассказать-то нечего. На этой пронзительной ноте мое общение с «Лицом без грима» закончилось.

– А Уланов? Я хотела бы услышать о нем подробнее.

– Уланов...

Дорогань перестал бегать и снова плюхнулся в кресло напротив Насти.

– Он мне показался чужим, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Не понимаю, – честно призналась Настя.

– Бондаренко мне сто раз повторяла во время наших двух встреч, чтобы я не волновался, у них в программе ведущий очень доброжелательный и приятный во всех отношениях человек, он никогда не поставит гостя в неловкое положение, он, дескать, любит своих гостей, и причин для беспокойства у меня никаких нет. А что я увидел?

Он взял драматическую паузу и выжидательно взглянул на Настю.

– И что же?

– Я увидел человека, который не только не любит своих гостей, он не любит вообще никого и ничего. Ему все, извините, до одного места. Я хочу сказать: до лампочки. И передача, которую он ведет, и гость, которого они пригласили. Ему смертельно скучно и уже ничего не нужно. Более того, он оказался еще и плохо воспитан. Сразу после эфира он встал и вышел из студии, даже не попрощался. Такое впечатление, что это я напросился к нему в программу, и он мне сделал большое одолжение, дав возможность вякнуть пару слов в прямом эфире. Оно мне надо? У меня мало другой головной боли?

– Вы были сильно расстроены?

– Да как вам сказать? И да, и нет. Я уже сказал, что главная моя цель была достигнута, информация о новой картине прозвучала, и прозвучала неоднократно. А то, что меня публично унизили и растерли, как плевков по асфальту, так уверяю вас, мне к этому не привыкать. Я на это дело жутко тренированный. Всю жизнь только и делаю, что унижаюсь.

При советской власти унижался перед Госкино и руководством «Мосфильма», чтобы взяли в работу мой сценарий. Теперь, при недоразвитом капитализме, унижаюсь перед спонсорами, прогибаюсь, заискиваю, убеждая их, что фильм, который я хочу сделать, получится очень хорошим и они смогут вернуть свои деньги. Мне, Анастасия Павловна, унизиться не жалко и не стыдно, если я знаю, что от этого будет польза. Так что в этом смысле у меня претензий к программе нет.

— И все-таки что-то вас задело.

— Да. Меня задело то, что я ничего не понял. Почему Уланов вытащил меня на прямой эфир, если передача не была готова? Зачем он размазывал меня по стенке, когда Оксана уверяла, что он ведет себя вполне корректно и доброжелательно? Она меня обманула? Опять же вопрос: зачем?

Настя поняла, что зря потратила время на кинопродюсера. Она-то думала, что он встречался с Улановым хотя бы два раза и сможет рассказать о том, каким он был до несчастья, происшедшего с его коллегами, и каким стал после него. Оказалось, что образа «в динамике» не получилось, встреча с Улановым была единственной, и Дорогань рассказал ей все то же самое, что она и без того видела собственными глазами.

— Спасибо, Всеволод Семенович.

Она собралась уходить, однако Дорогань жестом попросил ее не вставать.

— А теперь, Анастасия Павловна, открою вам маленький секрет. Вы позволите?

— Позволю, — кивнула Настя, открывая пачку и доставая новую сигарету.

Ей не хотелось уходить отсюда. Против обыкновения ей было хорошо в этой просторной, не очень тщательно убранной, но удивительно уютной гостиной, хотя она всегда чувствовала себя хорошо и спокойно только в двух помещениях: в собственной квартире и в своем кабинете на Петровке. И даже громогласный суетливый хозяин квартиры ее не раздражал, а ведь она обычно моментально уставала от громких звуков и совершенно не переносила мельтешащих перед глазами людей. И все-таки ей здесь нравилось.

— Как вы думаете, откуда я знаю, что вы любите кофе и пьете его постоянно?

— Вы это угадали. Вы же сами так сказали. Солгали, что ли? — улыбнулась она.

— А как же. Продюсер, который никогда не врет, — это не продюсер, а режиссер. Режиссер должен быть правдив, потому что он творец и должен донести свои мысли и чувства до зрителя. Если он не будет правдив, ему не поверят. А продюсер должен врать на каждом углу, иначе он и денег на фильм не достанет, и потом ничего не заработает. Так вот, Анастасия Павловна, я видел вас полтора года назад в «Сириусе», когда убили Алину Вазнис. Вы сидели в кабинете начальника службы безопасности и пили кофе. Долго сидели. Я заглядывал в кабинет несколько раз, и каждый раз у вас в руках была дымящаяся чашка, из чего я сделал вывод, что кофе в ней не тот же самый, уже давно остывший, а свежий. И в пепельнице перед вами все время лежала зажженная сигарета. Так что, как видите, шарлатанства никакого.

— А как же ваш любимый образ сыщика? Тоже ложь?

— Обижаете, хозяйка, — фыркнул веселый кинопродюсер. — Чистая правда. Как на духу. Скажите, вы с начальником службы безопасности «Сириуса» поддерживаете отношения?

— Со Стасовым? Да, конечно. А в чем дело?

— А с его женой вы знакомы?

— Знакома.

— Насколько близко?

— Всеволод Семенович, я не понимаю цели ваших расспросов, — напряженно сказала Настя.

Кинопродюсер сразу перестал ей нравиться. Жена Стасова Татьяна работала следователем, и попытки найти к ней ходы, как говорил незабвенный Аркадий Исаакович, «через заднее кирильцо» ничего приятного не сулили.

– Да цель ясная как Божий день! Я хочу снимать хорошие детективы. И я хочу, чтобы Татьяна Томилина написала сценарий.

Настя недоуменно пожала плечами.

– Так попросите ее. Не вижу, в чем проблема.

– Вы не видите? Вы лжете, очаровательная сыщица. Татьяна Григорьевна, во-первых, занята по службе так, что не находит времени не то что на сценарий, но даже на разговор со мной. Знаете, как она меня послала? Элегантно, но вполне конкретно. Даже на встречу не согласилась, отфутболила меня по телефону. А во-вторых, насколько мне известно, она беременна и вот-вот уйдет в декретный отпуск. Умоляю, Анастасия Павловна, составьте мне протекцию. Пусть она согласится хотя бы выслушать меня, а уж я сумею уговорить ее написать сценарий за то время, пока она будет в отпуске, но еще не родит. Хотите еще кофе?

Настя хотела. И еще она хотела сидеть здесь долго-долго.

– Подлизываетесь? – улыбнулась она.

– А как же. Нужно же чем-то вас задобрить. Ну пожалуйста, Анастасия Павловна, не отказывайте мне. Я прочел все книги Томилиной, я выбрал из них пять, которые можно роскошно экранизировать. Остальные тоже можно, но эти пять – это что-то! Сильные, выстроенные, с яркими характерами, но разножанровые. Можно сделать и триллер, и психологический детектив, и настоящий экшн. Так я сварю кофе?

– Варите.

Дорогань пулей выскочил на кухню, продолжая переговариваться с Настей.

– Всеволод Семенович, а почему бы вам не попросить Стасова? Вы же с ним знакомы.

– О! Вы, как всегда, попали в точку. Через Стасова уже пробовали другие, и результат получился плачевным. Стасов не имеет на жену никакого влияния. Я попытался действовать напрямую, разговаривал с Татьяной Григорьевной сам. И, как вы уже знаете, встретил решительный отказ. Но сейчас ситуация острая. Тот факт, что кино по книгам Томилиной хочу снимать не только я один, говорит о том, что киношная братия раскусила ее детективы и сейчас точит на них зубки. Они робко подползли к ней, но Татьяна отказала, мотивируя это загруженностью по службе. Причина уважительная, и от нее отстали. Я – единственный, кто знает, что жена Стасова через три месяца родит, то есть в ближайшее время уйдет с работы и будет сидеть дома. Если я не получу ее согласия немедленно, то завтра на нее накинута все остальные.

– Все равно я не понимаю, в чем трудность. Пусть сценарий напишет кто-нибудь другой, если Таня сама не может.

– Ага! Другой напишет! Читать не захочется. Не то что снимать.

– Почему так?

– Потому что у Томилиной переходящие персонажи, и только она сама может точно помнить, что у нее написано в следующих произведениях. А посторонний сценарист такого наворотит, что первый-то фильм я сниму, а что дальше делать – непонятно. Он в интересах драматургии первого фильма так расставит героев и так сложит их судьбы, что следующие фильмы уже снимать будет не с кем, он всех нужных мне людей поубивал, отправил на постоянное жительство за границу или поссорил между собой. Можете мне поверить, я это уже проходил.

Дорогань умолк, вероятно, сосредоточившись на процессе приготовления кофе, а Настя встала, чтобы размять затекающую от сидения в мягком кресле спину. Повернувшись, она увидела прямо над креслом написанный маслом портрет известной шведской актрисы. Размашистая надпись по-английски в нижнем углу полотна гласила о том, что это подарок

продюсеру, с которым актрисе так славно и легко работалось. «Надо же, – с усмешкой подумала Настя, – какие звезды у него снимались. Наверное, он в своем мире человек достаточно известный. А я, как водится, опять отстала от жизни и никогда о нем не слышала».

Она прошла вдоль стены, рассматривая расставленные на стеллажах книги. «Размышления о киноискусстве» Рене Клера, двухтомник «Истории киноискусства» Жоржа Садуля, издания зарубежных киносценариев – от вида этих книг на душе стало уютно и тепло. Точно такие же книги, те же самые издания шестидесятых годов стояли на полках в квартире, где прошло Настино детство. На мгновение ей захотелось снова стать маленькой, оказаться в той квартире, и чтобы из кухни вышла мама, и чтобы не было тоскливой пустоты в душе. Чтобы все стало как раньше, чтобы не было трех зимних месяцев этого года, и того ужаса и отчаяния, через которые ей пришлось пройти. Чтобы она снова могла разговаривать с Лешкой, как прежде, часами, сутками напролет. Чтобы ее не пугали поездки в гости к родителям...

Но из кухни вышел Дорогань, и ей пришлось вернуться к реальности.

– И все равно я не понимаю, – сказала она как ни в чем не бывало, мгновенно включаясь в сцену, – почему сценарист не сможет написать нормальный сценарий. Пусть прочтет все книги, тогда и с персонажами не будет неразберихи.

– Э, да вы идеалистка, – покачал головой Всеволод Семенович. – Я сказал вам, что хочу снять пять фильмов. Так?

– Так, – согласилась она, наливая себе кофе.

– А разве я сказал, что у меня есть деньги на пять фильмов? Говорил я такое?

– Не говорили.

– Вот видите. Пять фильмов – это проект. Прожект, выражаясь высокопарно. Иными словами – мечта, прекрасная и несбыточная. Чтобы превратить ее в реальность, нужно найти деньги на первый фильм, сделать его, хорошо продать, получить прибыль, доказать инвесторам, что пилот состоялся... Вы знаете, что такое пилот?

– Первое изделие на пробу. Да?

– Именно. Так вот, пилот получился, проект жизнеспособен, и можно начинать выпекать второй пирожок. У меня нет возможности заказать человеку пять сценариев, понимаете? Я могу заказать только один. Но под один сценарий он и прочитает только одну книжку. И если я начну требовать, чтобы он, прежде чем начинать работу, прочел все, что написала Томилина, он либо пошлет меня подальше, либо взвинтит свой гонорар до поднебесных размеров, поскольку чтение требует времени и затраты усилий на запоминание и выписывание деталей, либо потребует, чтобы я ангажировал его на весь проект. А я не могу себе позволить ни первого, ни второго, ни третьего.

– Про первое и второе – я согласна. А насчет третьего не поняла. Почему вы не можете позволить себе делать весь проект с одним сценаристом?

– Могу. Делать могу. А заранее давать обещания не могу. Кинопроизводство – это производство, а не богадельня, и в работе над фильмом должны участвовать те, кто сделает этот фильм наилучшим образом, а не те, с кем продюсер связан близкими отношениями или кому он что-то когда-то пообещал. Впрочем, я вам это уже говорил. Мне может не понравиться, как работает сценарист, он может оказаться необязательным, он может не соблюдать сроки, он может не найти общего языка с режиссером и со мной. Да, в конце концов, автору может не понравиться, что он сотворил с ее литературой. Мадам Томилина продаст нам права на экранизацию одного произведения, мы сделаем фильм, сделаем удачно, проект раскрутится, а Татьяна Григорьевна скажет, что мы изуродовали ее идею и она не хочет, чтобы мы калечили остальных ее детей. Вот и все, дорогая Анастасия Павловна. Права на экранизацию остальных четырех книг мы уже не получим никогда. Купить у Томилиной права сразу на пять книг я не могу, у меня нет на это денег. Сменить сценариста я тоже не могу, я подпи-

сал с ним контракт на пять фильмов, и в случае отказа я должен заплатить неустойку, на которую у меня опять же нет денег. И с чем я останусь? С разбитыми мечтами. С четырьмя прекрасными книгами, по которым не будут сняты прекрасные фильмы. Поэтому мне нужна Томилина. Сама. Лично. Я вас умоляю! Хотите, на колени встану?

– Я попробую, – неожиданно сказала Настя, хотя еще полминуты назад и не собиралась давать ему никаких обещаний. – Но вы, в свою очередь, должны помочь мне.

– Все что угодно! Голубушка! Я вас обожаю! Говорите, чем я могу быть вам полезен?

– Вы должны позвонить Уланову и предложить ему пригласить в программу Татьяну.

– Господи, вот уж не думал, что у вас с этим проблемы! – всплеснул руками продюсер. – Вы же расследуете убийство сотрудников программы, вы в постоянном контакте с Улановым, неужели вы думаете, что он вам откажет?

– Разумеется, не откажет. Куда он денется. Но я не хочу, чтобы инициатива исходила от меня. Для него Татьяна Томилина должна быть только автором популярных детективов, а вовсе не моей приятельницей и тем более не сотрудником органов внутренних дел. Вы меня поняли, Всеволод Семенович?

Дорогань отставил чашку подальше и скрестил руки на груди. Правда, удержаться в этой монументальной позе ему удалось не дольше десяти секунд. Он снова начал ерзать и жестикулировать.

– Я могу сказать Уланову, что существует проект создания пяти фильмов по книгам Томилиной? Мне же нужно его заинтересовать, объяснить, почему Томилина может представлять интерес для программы. Было бы хорошо сказать ему, что она следовательно и одновременно известный писатель...

– Ни в коем случае, – оборвала его Настя. – Слово «следователь» вообще не произносится. Кстати, сообщаю вам, что у Тани совершенно другая фамилия, а Томилина – это псевдоним.

– Что вы говорите? – удивленно воскликнул Дорогань. – Неужели псевдоним? Я и не подозревал.

– И об этом тоже говорить Уланову не нужно. Речь должна идти только о писательнице, авторе двух десятков бестселлеров, по которым вы собираетесь снимать несколько фильмов.

– А если он не заинтересуется?

– Пообещайте ему деньги.

– В какой, позвольте спросить, форме?

– В прямой. Скажите, что вы крайне заинтересованы в предварительной рекламе проекта и готовы отнестись к приглашению Томилиной в эфир именно как к рекламе. Они там все большие мальчики и девочки, такие вещи понимают с полуслова. Только не связывайте Уланова с Таней напрямую, замкните все на себя.

– Ладно, если вы обещаете ее уговорить...

– Я пока только обещаю с ней поговорить. И больше ничего. Но мою просьбу вам выполнить придется. Потому что если я с ней не поговорю, то у вас шансов не будет вообще, а так все-таки есть надежда.

– Ну вот, – Дорогань вдруг развеселился, – теперь уже и вы меня шантажируете. И как это я расслабился? Надо же, на пять минут отвлекся, разговорился с дамой из милиции – и на тебе, пожалуйста, меня уже взяли за горло.

– Так я же из милиции, – улыбнулась Настя.

– У вас там все такие?

– Поголовно. Я еще цветочек, а вот когда вам ягодка попадется – мало не покажется. Я могу считать, что мы договорились?

– Можете, – вздохнул продюсер. – Только вы уж там постарайтесь с Татьяной Григорьевой, ладно?

– Уж постараюсь.

* * *

Выйдя из дома, где жил Дорогань, Настя дошла до автобусной остановки, но поехала не на станцию, а в совершенно другую сторону, к пансионату, в котором должна была проходить конференция. Она слабо представляла себе, зачем едет туда, испытывая лишь острое чувство вины перед мужем.

Укрытый в лесополосе пансионат она нашла легко, из всех дорог только та, что вела к нему, была тщательно заасфальтирована. Настя вспомнила, что раньше это был «спецобъект», получить путевку для отдыха в котором могли только лица, приближенные к императору. Потому и дорога хорошая, и забор высокий, и будка охраны наличествует. Взглянув на служебное удостоверение, плечистый парень в синей униформе кивком головы разрешил Насте пройти на территорию.

Она медленно брела по обсаженной березами аллее в направлении красивого шестиэтажного корпуса с зеркальными стеклами, в которых отражалось голубовато-серое весеннее небо. Дойдя до здания, Настя выбрала скамейку, с которой хорошо был виден вход, уселась поудобнее и достала сигареты. Мимо нее то и дело проходили солидные дамы и господа в распахнутых коротких шубах или отделанных мехом куртках. Настя ловила обрывки фраз, произносимых на разных языках, и удивлялась, как это им не жарко в такой теплой одежде, москвичи давно уже ходили в плащах и легких курточках, а эти умные математики будто на Северный полюс приехали. Неужели за границей до сих пор верят в байки о том, что в России белые медведи прямо по улицам ходят?

Из здания выскочила молодая девушка в мини-юбке и в глухом обтягивающем свитере. Пробегаая мимо Насти, она внезапно затормозила.

– Ой, Анастасия Павловна!

Настя подняла глаза и узнала Галочку, делопроизводителя из лаборатории, которой заведовал Чистяков.

– Здравствуйте, Галя.

– Вы Алексея Михайловича ждете?

– Да. Он здесь?

– Я сейчас ему скажу. Он в холле с профессором Звекичем. Сейчас! Я мигом...

Галочка умчалась обратно в здание, легко и быстро перебирая стройными ножками в туфлях на высоком толстом каблуке. На какое-то мгновение Настя даже позавидовала ей. Сама она так легко не смогла бы бежать даже в удобных кроссовках, а уж на каблуках такой высоты ходила только в случаях острой необходимости и очень медленно.

На крыльце показался Чистяков, следом за которым вышли представительный седой мужчина и элегантная дама в очках. Настя отчего-то испугалась. Вот дура, зачем она притащилась сюда? Что она может сказать Леше? Что виновата, что любит его, что все его подозрения лишены каких бы то ни было оснований? Такие разговоры хороши для дома, а не для официального места, где все страшно заняты и делают дело, а не сопли распускают. Да и вид у нее... Лешка в дорогом костюме, серьезный, солидный, как-никак академик, автор десятков научных трудов, председатель оргкомитета конференции, а она – в джинсах, в дешевой куртке, в кроссовках, даже глаза не накрашены. Профессорская жена.

Алексей что-то сказал своим спутникам, те закивали и заулыбались. Он не спеша сошел с высокого крыльца и направился к Насте.

– Что случилось? – спросил он, подойдя к ней.

– Я...

Она вдруг смешалась, испытывая неловкость и ругая себя. Ну что, что она ему скажет? Тоже мне, нашла время отношения выяснять. Примчалась на другой конец света признаваться собственному мужу в любви. Мелодрама, да и только.

— Я приехала по своим делам, оказалась здесь рядом, вот и заглянула. Извини, я не хотела тебя отрывать от гостей, я просто сидела на скамейке и отдыхала, и если бы твоя Галочка меня не увидела, я бы через несколько минут ушла.

— Я спрашиваю: что случилось? — уже жестко повторил Чистяков.

Настя посмотрела ему в глаза и не увидела в них того ласкового тепла и мягкой насмешки, которые видела двадцать лет. Это был не тот домашний рассеянный Лешка, заботливый, внимательный, все понимающий и все ей прощающий, готовящий для нее еду и стирающий сам себе рубашки. Перед ней стоял посторонний мужчина, чьи рыжие волосы стали уже наполовину седыми, рослый, статный, в строгом темно-сером костюме из дорогого английского магазина, с чужим лицом и холодными глазами. Нет, ни за что она не скажет ему то, что собиралась. Ему сейчас не до этого. Он занят, а она лезет к нему с глупостями. Ведь еще вчера, когда она пыталась как-то снять возникшее между ними напряжение, он сказал: «Поговорим через неделю».

— Честное слово, ничего не случилось. Я действительно приехала сюда по делу, опрашивала свидетеля. До следующей электрички почти полтора часа, и я просто решила убить время, прогулявшись до пансионата и посмотрев, где вы заседаете. Извини, солнышко, я правда не хотела тебя беспокоить. Я уже ухожу.

Она поднялась, но Алексей сильными пальцами ухватил ее за предплечье.

— Галочка во всеуслышанье заявила, что приехала моя жена. Теперь мне придется тебя представить гостям.

— Леш, не надо...

— Так требует этикет. Пойдем.

— Лешенька, но я в таком виде... Мне неудобно.

— Потерпишь. Ты должна была подумать об этом, когда шла сюда. А теперь отступить некуда. Они смотрят на нас и ждут, когда я познакомлю их со своей женой. Я не имею права быть невежливым и нарушать приличия. Идем. И убери, пожалуйста, с лица виноватое выражение, гостям совершенно необязательно знать, что у нас с тобой не все в порядке.

— Но у нас действительно не все в порядке, — быстро ответила Настя. — Я потому и приехала. Я...

— У тебя будет возможность обсудить это, когда я вернусь домой. Сейчас мы ничего выяснять не будем.

Он взял ее за руку и быстро повел к крыльцу.

— Позвольте представить вам мою жену, — заговорил он по-английски, когда подвел Настю к седому мужчине и даме в очках. — Ее зовут Анастасия, она офицер полиции, детектив. Анастасия, знакомься, это профессор Розанна Патриньяни и профессор Милан Звекич.

Профессора приветливо заулыбались и пожали Насте руку. Она еле-еле выдержала, пока не истекут протокольные пять минут светской беседы, и вежливо попрощалась, сославшись на необходимость успеть на электричку.

— Разве вы не ездите на машине? — удивилась Розанна.

— Я не умею, — соврала Настя. — У меня нет прав.

Не объяснять же ей, что иметь машину по карману далеко не каждому работнику милиции. В их семье есть машина, но она Лешкина, и он сам на ней ездит, а Настя терпеть не может вождение и садится за руль только в самых крайних случаях, когда никакого другого выхода нет.

— На Западе все офицеры полиции ездят на машине. Человек не может работать в полиции, если не умеет водить машину. А что, в России нет такого правила?

– Нет.

– Это странно, – недоуменно протянула Розанна. – С вашими расстояниями... Это более чем странно. Теперь я понимаю, почему наша пресса пишет о том, что русская полиция не справляется с преступностью. Чему удивляться, если у вас такие низкие требования к полицейским.

Настя еще раз мило улыбнулась и быстро пошла к воротам, стараясь подавить кипящее в душе раздражение. Эта холеная профессорша из богатой благополучной страны – что она может знать о русской полиции? Что она вообще понимает в нашей жизни?

ГЛАВА 6

Говорят, у всех болезней бывает кризис, после которого человек или идет на поправку, или движется в прямо противоположном направлении. Похоже, со мной случилось именно это.

Сегодня я увидел его совсем близко. Так близко, что чувствовал его дыхание на своей щеке. Кого – его? Да наемника этого, кого же еще! Киллера, которого наняла моя благоверная. Кажется, ей надоело ждать, пока представится удобный случай меня прикончить, и она решила поспособствовать развитию событий. Сегодня суббота, и с самого утра она завелась насчет юбилея Любарских.

– Я надеюсь, ты все-таки передумал и пойдешь к ним, – заявила Вика за завтраком.

– Ни в одном глазу, – весело сообщил я. – Иди одна, если хочешь.

– Саша, возьми себя в руки. Шутки шутками, но ты ведешь себя просто неприлично. Любарские наши друзья, и мы сегодня к пяти часам пойдем к ним.

– Ты пойдешь. А я останусь дома. Все, Вика, хватит это обсуждать. Ты разговариваешь со мной, как с неразумным ребенком. Если в тебе так силен материнский инстинкт, возьми младенца из детского дома и воспитывай, а меня оставь в покое.

Это было жестоко с моей стороны. Вика не виновата, что у нас до сих пор не было детей, это же я всегда говорил, что нужно подождать, что у нас нет условий. Условий действительно не было, жить с малышом рядом с сумасшедшей матерью небезопасно. Потом, когда мы переехали, нам казалось, что еще год-два можно передохнуть от постоянной гонки за заработками и вечного безденежья. Пожить для себя. И первую скрипку в этих разговорах играл, конечно, я. Вот и доигрался. С другой стороны, если бы Вика забеременела, об аборте речь не шла бы. Но мы всегда так тщательно предохранялись... Что ж, зато сейчас она свободна и бездетна и может со всем пылом предаваться любви со своим провинциальным Ромео, не заботясь о том, что дома ребенок один или его нужно забирать из детского сада. Так что все к лучшему.

В уголках ее глаз закипели слезы, но Вика сдержалась, только губы сжала плотнее.

– Я не понимаю, что с тобой происходит, Саша, – сказала она немного погодя. – Иногда мне кажется, что ты сошел с ума. Ты стал совершенно другим человеком.

– Не говори глупости, – отмахнулся я.

Ссориться с Викой с утра пораньше не хотелось, поэтому я перевел разговор на что-то совершенно безобидное, а потом заявил, что собираюсь весь день пробыть дома и заняться домашними делами.

– Ты можешь сходить в магазин, – милостиво разрешил я, – а я заряджу стиральную машину и параллельно буду пылесосить. Мы, по-моему, уже месяц в квартире не убирались. Грязью заросли по самые уши. Кафель давно пора чистить, и ванну с унитазом тоже. Кстати, если ты собираешься на пьянку к Любарским, рекомендую тебе посетить парикмахерскую, у тебя седина видна, пора краситься. И маникюр сделай заодно.

Я, конечно, кривил душой. Мне просто не хотелось выходить из дому. Но не говорить же об этом Вике...

Она ушла в магазин, хлопнув дверью. Впрочем, мое утреннее хамство вполне этого заслуживало. Домашней работы хватило на полдня, и занимался я ею с неожиданным для себя энтузиазмом. Вика явилась в четвертом часу, и я сразу заметил, что в парикмахерской она все-таки побывала. Ногти на руках сверкали свежим лаком, а волосы стали чуть-чуть темнее, чем были утром. Она не сказала ни слова, не задала ни единого вопроса, молча выложила продукты в холодильник и ушла в комнату переодеваться. Я в это время на кухне драил раковину и плиту каким-то импортным широко рекламируемым порошком.

Через некоторое время Вика заглянула на кухню. Она была полностью одета, лицо накрашено, волосы уложены.

– Я ухожу, – сообщила она спокойно. – Ты будешь дома или собираешься куда-нибудь?

– Никуда, – ответил я, не отрывая глаз от блестящей поверхности раковины, словно намеревался увидеть на ней огненные буквы, складывающиеся в слова вечной и непреходящей мудрости. – Буду дома.

Ее каблучки простучали до входной двери, щелкнул замок, звонкие шаги по кафельному полу лестничной площадки до лифта. Все. Она ушла. Можно свободно вздохнуть и заняться чем-нибудь приятным.

Однако как легко она уступила! Несколько фраз утром – и больше ничего. Я, честно признаться, ждал истерики, криков, слез, просьб, угроз – чего угодно, только не такого легкого и молчаливого отступления. Нет, что ни говори, а моя жена умна. И меня знает как облупленного. Вернее, не знает, а чувствует. Знать, что у меня сейчас в голове, она не может, потому что не может даже предполагать, что мне известно о ее заказе наемному убийце. Но чувствует, мерзавка, чувствует безошибочно, где можно поднажать, а где не имеет смысла упираться. Тонкая натура, будь она неладна со своим деревенским донжуаном. Господи, как я ее любил!

Стоило Вике уйти, как я тут же быстренько свернул уборку и улегся на диван с книжкой. И не заметил, как задремал. Проснулся, глянул на часы и увидел, что уже восемь вечера. Голова была тяжелой и дурной, и я вспомнил, что мама, когда я был еще пацаном, часто повторяла: на закате спать нельзя, это вредно. Похоже, она была права. С трудом стряхнув с себя одурь, я поплелся в стерильную кухню, чтобы сделать себе кофе. Проходя мимо телевизора, лениво ткнул пальцем кнопку в надежде, что громкие звуки помогут побыстрее проснуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.